

цикл: Тихоокеанская сага

СЕРГЕЙ ФОМИЧЁВ

сибирский фронтир

Сергей Фомичёв

Сибирский фронт

«Издательские решения»

Фомичёв С.

Сибирский фронтир / С. Фомичёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503537-0

Книгу можно назвать вестерном и хронооперой, робинзонадой и историческим романом — на её страницах достаточно путешествий во времени, стычек с туземцами, разбойниками, прочих классических приключений на суше и на море. Однако это не чистый экшн. Герой не только действует, он наблюдает, сопоставляет, размышляет. Книга содержит серьёзный этнографический и исторический материал по Восточной Сибири, Дальнему Востоку, бывшим русским территориям Америки ещё до того времени, как они стали русскими.

ISBN 978-5-00-503537-0

© Фомичёв С.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Сквозняки	6
– 1-	6
– 2-	9
– 3-	12
– 4-	15
– 5-	18
– 6-	21
– 7-	23
– 8-	24
– 9-	26
Часть I. Река времени	27
Глава первая. Остановка в пути	27
Глава вторая. Дорога домой	34
Глава третья. Правила игры	39
Глава четвёртая. Ярмарка	44
Глава пятая. Кому на Руси жить хорошо?	51
Глава шестая. Фронтир	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сибирский фронтир

Сергей Фомичёв

© Сергей Фомичёв, 2022

ISBN 978-5-0050-3537-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Сквозняки

– 1 –

Они увязались за мной в безлюдной и тёмной серёдке парка. Их двое: Бомж – крепкий мужик неопределённого возраста в драном плаще, с пакетом дребезжащих бутылок, и Проньра – вертлявый паренёк в кепке, похожий на уголовную шестёрку, какими изображает их отечественная кинематография. Оба движутся в пятидесяти шагах, повторяя все мои повороты последние десять минут. Вопросов почти не осталось – они поджидали меня и никого другого.

Черту под сомнениями подводит выстрел. Пуля шуршит над головой и, выбросив щепки, исчезает в сосне. Итак, мои преследователи не расположены к разговору. Накатывает запоздалый звук выстрела, тут же угасший в ближайших деревьях, но для меня он звучит отчётливо, словно стартовый револьвер. Они стреляют, а значит мне остаётся только бежать.

Бегу, стараясь оставить между собой и преследователями побольше деревьев и бугров. Ритмичное бряцанье бутылок за спиной обрывается, раздаётся звонкий хруст – Бомж отбросил ненужную ношу. Ага! Это вам не бабочек ловить. Лёгкая атлетика! Как у нас говорилось – царица полей. Учился—то я в школе со спортивным уклоном. И хотя любовь к пиву со временем обернулась солидным брюшком, но и курить я не начал, а потому лёгкие качают кислород без труда.

Бегу вполсилы, лениво маневрирую. Палаая хвоя приятно пружинит под кроссовками. Преследователи больше не стреляют, а скоро и вовсе стрелять не смогут: во—первых, сбита дыхалка не позволит прицелиться, а, во—вторых, вот—вот людно станет – парк невелик и шум города слышен всё ближе.

Выскакиваю на площадь перед ДК ГАЗа, бросаюсь к краснокирпичному павильону метро. Народ брызгает в стороны, словно мальки от окуня. Барабаню ногами по ступенькам, спотыкаюсь, задеваю плечом какую—то бабку...

– Извините, – кричу за спину...

Состав стоит, но это ничего не значит. Станция—то конечная, интервалы большие. Он так долго простоять может. Несусь по платформе к другому выходу. Оглядываюсь – мои преследователи равняются с последним вагоном.

– Осторожно двери закрываются, – бодро сообщает магнитофон. – Следующая станция «Кировская».

Название станции записанный на плёнку диктор объявляет особенно торжественно. Будто это не станция, а руины древнего города. Ныряю. Двери пфускают и нестройным громыханием сопровождают первый толчок поезда. Поехали. Стараясь дышать глубоко и ровно, я обдумываю ситуацию. На «Кировской» можно выскочить и поменять направление, но тут не подгадаешь с интервалами – нижегородское метро не московское. Лучше всего проехать до «Комсомольской». Да, пожалуй, так будет вернее. Что я могу сказать? Они сильно удивятся, когда через станцию не обнаружат меня в этом поезде.

Ворота я нашёл совершенно случайно.

Было мне лет пятнадцать, и я гостил у родственников в Волгограде. Каникулы подходили к концу, и я уже собирал вещи, когда моим родителям пришло в голову через родственников устроить меня на приём к зубному врачу. В те времена хороший врач считался таким же

дефицитом как чешское пиво, венгерские кроссовки или подписка на «Иностранную Литературу» (старшее поколение могло бы добавить к этому перечню финскую сантехнику, польскую или болгарскую парфюмерию и многое другое). К хорошим врачам попадали по великому благу, в обмен на продовольственные наборы или шоколадные конфеты фабрики «Россия». К моему сожалению, у родственников такое знакомство нашлось.

Зубных врачей я и теперь побаиваюсь, а тогда не переносил на дух. Я до жути боялся бормашинки, меня тошнило от особенного, ни на что непохожего, мерзкого запаха, висящего в зубных кабинетах, бросало в дрожь от плевательниц, ковырятьелниц, крючков и прочих орудий инквизиции, била лихорадка от лампочек над креслом, от самих кресел. Даже плакаты про кариес перед входом в кабинет с зубной щёткой в виде былинного богатыря и бактериями, изображёнными злобными лохматыми монстрами навевали щемящую тоску.

Хороший врач вовсе не означает врач добрый. Напротив, профессионал относится к пациенту как к бездушной кукле; все его успокоительные фразы дежурны, а ваш рот – полость, так они и говорят – полость, в которой нужно произвести санацию. Зачистить, говоря по—современному.

Короче говоря, я единственный кто не обрадовался случившейся оказии. Последние дни каникул и без того омрачённые тем, что они последние, превращались в сущий кошмар. Но восставать против родителей и родственников я в то время ещё не решался. Пришлось покориться, уговаривая себя философским «всеµу приходит конец».

Я ездил в поликлинику окольным путём, нарочно давая крюк и делая ненужную пересадку, пытаюсь тем самым оттянуть неизбежное. Мне было тоскливо. Я смотрел через окно на город, на покрытые пылью пирамидальные тополя, на нетерпеливые машины, на весёлых беззаботных людей. Может и у них были свои печали, но мне чужие печали казались совершенно ничтожными в сравнении с собственным.

– Остановка «Школа», следующая «Поликлиника», – объявил сквозь электрический треск стандартный женский голос.

Я невольно улыбнулся, забыв о страхах. Дело в том, что в родном Саранске троллейбус с таким же номером делает остановки с точно такими же названиями и в той же последовательности. Видимо, на какое—то время я забылся, вообразил, будто уже вернулся домой, и еду к однокласснику Петьке Дворкину, у которого давно собирался переписать Владивостокский концерт «Машины времени». А когда открыл глаза, то за окном не увидел привычных пирамидальных тополей – только начинающие уже желтеть берёзы и клёны. Это был Саранск – столица советской Мордовии.

Наваждение? Нет, картина более чем реальна. Оглядевшись, я увидел совсем других людей, иную отделку салона, но, что любопытно, к моему появлению в саранском троллейбусе его пассажиры остались равнодушны, будто и не заметили вовсе.

Вот и поликлиника, но не та в которую я направлялся сдаваться зубному врачу, а другая, в которой полгода назад мы проходили медосмотр всем классом. Двери открылись, я бросился к выходу, и хлопнул ладонью о ствол растущего возле остановки клёна. И ведь вроде никаких психических отклонений за мной раньше не замечалось, и врач вот из этой самой поликлиники перед последними сборами нашёл меня вполне адекватным и годным ко всему, что только можно вообразить. А тут такой крендель в голове образовался.

Нет, я определённо не спал. Потому даже не стал щипать себя за разные части тела. Я почему—то всегда отличал сон от реальности. Бред? Провал в памяти? Амнезия? Может быть, я давно уже вернулся домой, но позабыл об этом? Что ж, проверить легко. Я осторожно коснулся больного зуба кончиком языка и обнаружил шершавость заложенного накануне в канал мышьяка. Для верности проверил пальцем – так и есть, пломба временная.

Минут десять совершенно ошалелым я стоял посреди родного города, держась рукой за дерево, пока не вспомнил, что опаздываю на приём, но и тогда мысли продолжали пребывать

в хаосе... Что делать? Отправиться домой? И что я скажу родителям? Что сбежал от врача? Не слишком ли далеко убежал? Пойти к Петьке? А что потом? Вернуться в Волгоград? Но как? На поезде больше суток, да и билетов наверняка не купить.

Трезвая мысль пришла не скоро. Если я каким—то Макаром попал в Саранск, то не может ли тот же Макар перебросить меня обратно? Мысль бредовая, если уж честно, но и положение было бредовым, а других вариантов в голову всё равно не пришло. Я вернулся на остановку, дождался троллейбуса и поехал. Ни на что не надеясь, но... Со второго раза у меня получилось. Я вновь оказался в Волгограде и даже не слишком опоздал на приём.

Наверное, это был единственный визит к зубному врачу, когда сидя в кресле я думал не о визжащей внутри головы бормашине.

– 2 –

– ... и выход к вокзалам: Ленинградскому, Ярославскому и Казанскому, – доложил совсем другой голос, но тоже весьма торжественно.

В вагон врываются пассажиры со всех трёх вокзалов. Чемоданы, тюки, тележки. Ругань коренных москвичей на приезжих, ещё более крепкая брань москвичей не столь коренных, ответная ругань, как пулемёты осаждённого дота. Я едва успеваю высунуться и взглянуть назад. Чёрт! Сильно удивлённым оказался в итоге я сам: Бомж с Пронырой барахтаются в толчее, пытаюсь пробиться вперёд. Это им удаётся, и они оказываются на один вагон ближе.

Делать нечего – начинаю перебегать на каждой станции, пока не оказываюсь в самой голове поезда. Облокотившись спиной о дверь кабины машиниста, я обречённо констатирую, что дальше бежать некуда.

Выскакиваю на Кропоткинской. Перед носом громадина ХХС. Беру правее, на бородатого мужика. Памятник то ли Марксу, то ли Энгельсу – не понять, потому что поверх настоящего имени масляной краской выведено «Пётр Кропоткин». Мне плевать на бородастые разборки, быстро иду мимо. Оглядываюсь. Мои недоброжелатели шустро перебегают дорогу на красный свет. И ни одного чёртова гаишника поблизости, ни одного нувориша на бронированном мерсе, чтоб раскатать наглецов по асфальту.

Быстрым шагом иду по Остоженке в сторону «Парка культуры». Оба преследователя спокойно идут вслед за мной. Бомж давно скинул лохмотья и теперь больше похож на советского инженера. Проныра то и дело лазит рукой за пазуху. Проверяет пистолет? Похоже. Не яблоки же у него там. Будет стрелять? Среди старой застройки прохожих негусто. Может и будет. Перехожу на бег. Ещё немного осталось. Выдержу.

Сбавляю темп лишь в толчее подземного перехода. Здесь не разбежишься – народу полно, да и внимание привлекать не стоит – остановят менты, начнут прописку спрашивать, билеты требовать. А где я их возьму, билеты—то?

Проныра стрелять не рискует. Это радует. Однако, что делать дальше?

Пятнадцать лет – хороший возраст. Уже нет доверчивого ребёнка, но ещё не вылеплен системой забитый, загнанный на кухне и в курилки человек страха. У меня хватило ума сохранить обрётённое знание в тайне от всех, и не достало осторожности тут же о нём забыть.

Правда, корысти от открытия оказалось немного. Разве что экономия на билетах. Но не будешь же к родственникам каждый день ездить – подозрение вызовет, да и зачем? Ну так, катался на «квадрате» погулять – в Волгограде тусовка пожилей смотрелась, не то что в Саранске. Тусовался – да, но близко ни с кем не сходил. Ни там, ни дома.

Я стал обладателем сокровенным знанием, и это наложило отпечаток на мои отношения с людьми. В школе я превратился из общительного, настырного и бойкого мальчишки в угрюмого замкнутого индивидуалиста. Во дворе и вовсе перестал появляться.

Тайна встала между мной и сверстниками, она варилась внутри меня, ломая прежние черты характера... Но она же дисциплинировала, заставляя следить за словами и поступками. Магнитофонные катушки, спортивные сборы, соревнования, игры, книги перестали иметь значение. Впрочем, нет, книги остались, но, отстранившись от прежних друзей, я перебрался в читальный зал городской библиотеки, где и поглощал томами научную фантастику в полном одиночестве. Приятели не заметили потери, а девушки тогда ещё не настолько интересовали меня, чтобы выбирать между ними и тайной.

Всё эти изменения в себе я, конечно же, осознал значительно позже, а тогда мне просто казалось, что я взрослою.

Года через два я настолько свыкся с существованием лазейки в пространстве, что перестал принимать её за чудо. Это как с моим первым кассетником. Сколько я копил, сколько ждал покупки. И вот она, «Легенда 404» – чёрное совершенство, на моём столе. Первые дни я ложился спать и вставал с мыслями о ней. Но прошёл всего месяц, и обладание магнитофоном стало чем—то обыденным. Воротами я наслаждался дольше, но всё равно – приелось. Приелось чудо. А вот характер таким и остался. Нелюдимым.

Когда я стал чуть постарше, феномен открытых ворот начал интересовать меня, так сказать, с научной точки зрения. Я пытался познать их тайну. Физика, доступная моему пониманию, хранила на сей счёт гордое молчание. Я увлёкся психологией, эзотерикой, мистикой, восточной философией. Впрочем, тогда многие увлекались подобной лабудой, время было такое: Союз распадался, сбережения пропадали, запахло безработицей, нищетой. Наряду с прочими прелестями новой жизни импортировались учения, плодились секты.

Я посещал собрания каждой из них, что добиралась до нашего города, с той же целью мотался и в Волгоград. Я слушал проповеди и искал в них ответ. Ответа не находилось, а спрашивать напрямик я остерегался. Возможно, поэтому ни одна из сект меня в свои лапы не получила.

Армия не сделала из меня коллективиста. Оба года я успешно пересидел на глухой таёжной точке – единственный срочник среди трёх офицеров и прапора. Нечего и говорить, что четыре начальника беспробудно пропили весь этот срок, оставив на меня заботы по обороноспособности страны. Что ж, я в накладе не остался – освоил редкие в те времена компьютеры и системы спутниковой связи.

Мне стукнул двадцать один год, когда я понял, что всё это время валял дурака. Вместо того чтобы искать другие ворота, я раскрывал природу единственных мне известных. Зачем? Да чёрт с ней, с природой! Какая разница, как это работает?

Идея, что ворота могут быть не одни, родилась в магазине за разглядыванием модного органайзера, на форзацах которого помещались схемы крупнейших метрополитенов страны. В разных городах станции носили одни и те же названия: Комсомольские, Автозаводские, Пролетарские, Московские, Пушкинские, Парки Культуры.

«А что, если...» – подумалось мне, и я поспешил заплатить за дорогую игрушку.

Не терпелось побыстрее опробовать дикую гипотезу, и я собрался в дорогу. Ближайших к Саранску мегаполисов обладающих подземкой было два: Горький и Куйбышев, накануне переименованные в Нижний Новгород и Самару. Но в Куйбышеве метро только—только начали строить и три его действующие станции, расположенные к тому же на самой окраине города, не вызвали особого энтузиазма. В Горьком метро начиналось от вокзала и было раза в три длиннее. Сделав выбор, я поспешил за билетом.

Поезд «Куйбышев—Ленинград» неспешно полз по задворкам империи, вставая на каждом разъезде, а я всю ночь ворочался в духоте и пыли плацкартного вагона.

С десяти утра и почти до самого вечера я катался туда—сюда по единственной ветке горьковского метро, но ничего не получалось. Я был слишком взволнован, ожидая чуда, и не мог настроиться на переход. Но стоило мне только решить, что идея не больше чем бред, как вдруг я оказался в Москве.

– Получилось! – заорал я в восторге посреди переполненного вагона, следующего куда—то на Ждановскую.

Действительно получилось. Я прыгал из Горького в Москву, из Москвы в Ленинград, в Новосибирск и далее, как говорится, со всеми остановками. Вот это да! Не случайная дыра между Саранском и Волгоградом – здесь открывались совершенно иные перспективы.

Метро всё же прорыли далеко не везде. Зато троллейбусов и трамваев имелось сколько угодно. Я принялся скупать в магазинах транспортные схемы городов. В те годы их прода-

вали в избытке, и единственное чего нельзя было найти, так это схему собственного города. Но Саранск я и без того знал неплохо.

Продавцы, принимая меня за молодого, но уже чокнутого коллекционера, стали подсказывать места книжных развалов и сообщать о новинках.

Итак, я обложился картами и вырвал из тетради разворот. Наивный! Лист закончился уже через минуту. Названия остановок во всех городах поражали однообразием: больницы, Ленины, школы, Гагарины, универсамы... Не составляло труда найти навскидку пары в двух любых городах.

Пространство расползлось передо мной, как передержанная в хлорке простыня.

– 3 –

Решаю сбросить хвост на кольцевой линии – трое ворот там следуют плотно друг за другом, и это даёт мне возможность маневра. Гоблинов, а именно так я окрестил преследователей за их тупое и злобное упрямство, с каким они старались прикончить меня; так вот гоблинов всего двое, и если даже им известны все мои отнорки, пусть попробуют угадать, в котором из них я скроюсь.

Втискиваюсь в переполненный поезд, прислоняюсь к бортику у входа. Бомж с Пронырой устраиваются в соседнем вагоне, их хорошо видно через стекло. Поворачиваюсь к ним спиной. Главное сейчас не расслабляться, не впадать в привычный лёгкий транс, что помогает пробивать пространство. Сейчас нужно, напротив, зацепиться взглядом за реальность, за окружающих, не то вынесет помимо желаний. Со мной не раз так случалось, когда я неожиданно проваливался в другие ворота. Это вроде как мимо своего дома в задумчивости пройти, или этаж перепутать. Бывает.

За хмурые лица пассажиров цепляться неохота. Выбираю красивую девушку, что стоит напротив и читает толстую книгу. Стараюсь думать только о ней. Красивая. Что она там читает? Вот хорошо бы отдохнуть с ней на море, лучше на Адриатическом. Умная. Не детектив читает, не любовный роман, судя по обложке что-то философское. Фигурка – ах, ах, какая фигурка. Студентка? Молоденькая...

Девушке навязчивое внимание явно не нравится, она опускает книгу, заложив пальцем страницу, и хмурится. Набираюсь наглости, подмигиваю в ответ. Она отворачивается.

– Станция «Проспект Мира», – сообщает надоевший голос, – переход на Калужско–Рижскую линию. Уважаемые пассажиры, просим...

Проскочил!

Девушка решила сойти. Уж не из—за меня ли? Провожая взглядом уплывающие бёдра и оглядываюсь. Бомж исчез, Проныра остался. Что ж, пока один – ноль. Посмотрим, как сможет он в одиночку прикрыть двое оставшихся ворот. Правда и передо мной стоит выбор, в какие из них нырять, но тут уж пятьдесят на пятьдесят.

Вторые ворота. Третьи... пора! Расслабляюсь, перехожу... и вижу за стеклом Проныру. Вот чёрт!

Сперва я мог перемещаться только туда, где бывал раньше. Я должен был знать, помнить место. Чтобы раздвинуть горизонты приходилось покупать билет на поезд или автобус, и добираться до нового города обычным путём. Но уже оттуда я переходил без напряжения. Позже я научился пробивать пространство, не обременяя себя предварительной разведкой. Я даже целую медитационную систему разработал, основанную на картинке из телевизора или журнала.

И, наконец, пришло время, когда мне удалось вырваться с одной шестой части суши. Получилось это совершенно случайно.

Я любил кататься на скейтборде по безлюдным затяжным спускам. И потому часто навещал один удмурдский городок, вся прелесть которого для меня заключалась лишь в единственной тихой улице, что сбегает волнами вниз.

И вот привычно скатываясь по трассе, зная на ней каждую выбоину, я расслабился, замечтался, и на ум вдруг пришёл Сан—Франциско, где по такой же волнистой улице гонялись в боевиках за крутыми бандитами ещё более крутые полицейские. На один лишь миг я прикрыл глаза или моргнул протяжённо... Ослепительное солнце, пробившее закрытые веки,

и жара, хлынувшая под куртку, дали понять, что вокруг уже не Удмуртия. Я открыл глаза. Вместо привычных вечно мокрых пятиэтажек вдоль улицы стояли особняки, вместо чахлах берёз – пальмы.

В то время поездки за рубеж ещё не стали обычным делом, и я сильно перепугался, оказавшись в социальном зазеркалье.

С перепугу пробыл я там не долго. Оглянулся, не видит ли кто, быстренько вскарабкался повыше и оттолкнулся ногой, думая только об одном – о сырой удмурдской осени.

Вернувшись домой я сел за английский язык. Выучил его за три месяца, решительным штурмом, словно собирался поступать в МГИМО. Вот ведь когда припрёт – а в школе едва вытягивал на тройку. Теперь за дело!

С каким упоением и лёгкостью я открывал для себя Соединённые Штаты! Мэйнстритов и авеню в честь Линкольна и Вашингтона там встречалось не меньше чем у нас площадей Ленина. Скоро сеть переходов опутала всю страну. Со скейтом под мышкой я отправлялся в Удмуртию, «спускался» в Сан—Франциско и уже оттуда путешествовал по Америке.

Я отдыхал на Гавайях, наблюдал за космическими стартами во Флориде, слушал Ниагару, заглядывал в Большой Каньон. Пару раз заскочил в бывший Новоархангельск на Ситке, удовлетворяя любопытство юности, а, воплощая более ранние мечты, побывал в Диснейленде. Несмотря на возраст, я полюбил там бывать – видимо добирал то, что недодали в детстве. Подозреваю, что и те, кто приводил в парк развлечений толстеньких отпрысков, использовали их только как повод.

Попав за Атлантику, под впечатлением неожиданного открытия, я поначалу как—то упустил ещё один важный момент – само открытие. Не придавал значения, не подумал. А подумать стоило. Впервые мне для перехода не понадобился общественный транспорт и привязка к названиям остановок. Новый метод оказался, что называется, своевременным – в родной стране как раз настали тяжёлые времена. Улицы и станции переименовывались, в транспорте перестали объявлять остановки, да и сам муниципальный транспорт ветшал и заменялся повсюду частником. Людей эти мелочи трогали мало, у них проблем и без того хватало, но мне именно мелочи представлялись катастрофой. Так что неожиданное открытие явилось спасением, и я принялся экспериментировать.

Это открыло передо мной весь мир. Я играл шариком, словно чаплинский диктатор. Я упивался властью над пространством, насмехался над расстоянием.

Я был Эриком Рыжим, Колумбом, Дрейком и Магелланом. Моим солёным ветром стали сквозняки подземных тоннелей, запахом моря – дух шпальной пропитки, криками чаек – скрежет железных колёс.

Я побывал в Тадж—Махале, топтал Великую Стену, трогал пирамиды Египта, руины инкских городов, всё то, что раньше мог видеть лишь на картинках. Я загорал на пресловутых Канарах, между управляющим банка справа, и членом правительства слева. Мы вместе пили пиво и болтали о политике. Они считали меня удачливым хакером, ведь я намекнул им, что работаю по компьютерной части.

Мало—помалу, привычная, то есть изображённая на географических картах, картина мира стала казаться противоестественной и абсурдной. Там где города разделяли океаны, мне порой хватало единственного усилия, а в соседний район приходилось добираться обычным способом. Из Сиднея в Новосибирск я переходил за мгновение, зато из того же Сиднея в Канберру путь получался неблизким, и проще было воспользоваться автобусом.

Границы рухнули, исчезли, стёрлись. Государства потеряли значение. Мешало, пожалуй, только разнообразие языков и диалектов, освоить которое я даже не помышлял. Но политические образования смешили своей нелепостью.

Неверно полагать, будто другая сторона жизни осталась неведома мне. Я воочию увидел тех рахитных детишек, которыми нас пугали в «Международной панораме», женщин с обвис-

лыми, как уши спаниеля, грудями. Но реальность оказалась куда страшней картинки. Телевизор не передавал ни вонь нищеты, ни вкус тухлой воды, ни низкий гул мириадом насекомых, ни масштабов человеческой катастрофы.

Я побывал в трущобах, где понял, что Хрущёва ругали напрасно. Дома из картонных коробок, древесных обрезков и дырявой плёнки, что тесно лепились, занимая самые бросовые участки пригородов; трущобы, где вместо улиц чавкающая грязь, где змеи и крысы заменяют породистое домашнее зверьё; всё это совсем не то же самое, что малогабаритные пятиэтажки.

Случалось попадать под обстрелы и бомбёжки, нарываться на внезапные вспышки ксенофобии, присутствовать при переворотах. Я не привык к стрельбе и взрывам, но перестал пугаться их понапрасну. Не каждый раз удавалось понять, кто и за что воюет, поскольку не о всякой войне сообщали потом по телевизору. И не понимая причин, я вдруг отчётливо понял мерзость войны. Да, вовсе не гниющие трупы навсегда отвратили меня от неё, а тупая бессмысленность.

Я остался индивидуалистом, но чувство глобальной несправедливости выросло в убеждение. Однако, даже обладая знанием, я не пытался изменить мир. Индивидуалист с убеждениями – не может стать чем—то большим, нежели критический наблюдатель событий.

– 4 –

Скоро я понимаю, что все известные мне переходы для гоблинов не секрет. Я уже больше часа мечусь по городам и странам, как костяной шарик по рулетке, но никак не попаду на зеро. Силы ещё есть, и я должен сбросить хвост, прежде чем они покинут меня.

Прибавляю, сделав ставку на скорость и выносливость.

Прага. Выскакиваю из метро «И. П. Павлова» и сразу прыгаю в трамвай. Кажется двенадцатый – то, что надо! Из трамвая выхожу в Бостоне, неподалёку от Массачусетского Технологического Института. Идёт дождь, но зонтик не достаю – с ним не побегаешь, а темп терять жалко. Несколько кварталов позади и я ныряю в супермаркет, на эскалатор. Поднимаюсь из метро в Харькове. С куртки льётся вода, волосы слиплись. Хорошо не зима. Ловлю удивлённые взгляды обывателей. Они смотрят на меня словно на придурка, умудрившегося как-то вымокнуть в метро. Ничего, граждане, там за спиной скачет ещё пара мокрых придурков. Опять трамвай, на этот раз в Ижевск...

Не отстают, злыдни. Прибавляю ещё. Где оно там, пресловутое второе дыхание? Сколько занимаюсь спортом, близко его не видел...

Вашингтон, станция «Арлингтонская». Где-то здесь хоронят отборных героев. Сажусь на жёлтую линию еду до «Пентагона» – основного поставщика отборных героев для Арлингтонского кладбища.

...Киев. Почтовая площадь. Поднимаюсь на фуникулёре в Тбилиси. Оттуда в Сингапур... Оглядываюсь. С тем же успехом я мог удирать по беговой дорожке тренажёра. Мало того, гоблины подтянули свежие силы. Их уже четверо. Для удобства, каждому из преследователей я придумываю подходящее внешнему виду прозвище. Агентур псевдоним, так сказать, присваиваю. Одного из новеньких я называю Крокодилом, второго Громилой.

Итак, всё гораздо серьезней. Они знают куда больше моего, по крайней мере, несколько раз преследователи выходили наперерез, отсекая меня от удобных ворот. Правда, как вскоре выясняется, иногда это играет и в мою пользу – избыток знаний не позволяет гоблинам сразу сообразить, какие из ближайших ворот я выберу. Они распыляют силы, перекрывая те ходы, о существовании которых я даже не подозреваю. Да и держать в голове эту чёртову прорву переходов, наверное, не легко – то и дело один из преследователей пропадает, видимо, сверяясь с какими-то картами, или связываясь с начальством. Однако понемногу они всё равно берут верх – их попросту больше.

Про квартиру в Питере придётся забыть. Кто знает, сколько времени гоблины следили за мной? И, кстати, любопытно, кто же они такие? По большому счёту моей голове всё равно от кого получить пулю, но она размышляла сама собой...

Нет, я вовсе не ощущал себя всесильным демоном. Скажем, не мог проходить сквозь стены или становиться невидимым. Я опасался полиции – ведь в моём паспорте не было нужных виз. Не во всякой стране можно гулять спокойно. В иные лучше вообще не соваться. И ещё мне не хватало денег. Во всём их многообразии.

Наверное, я мог бы безумно разбогатеть. На одном лишь маршруте Медельин – Майами. Много ли тот кокаин весит? А стоит прилично. Но я не желал оказаться однажды в канаве с дыркой во лбу, и потому занялся более спокойным бизнесом.

Приходилось ли вам пересекать польскую границу на пригородном поезде «Брест – Тересполь» в середине девяностых годов? Тогда вы, наверное, слышали оглушительный хруст скотча – это срываются сотни повязок, которыми местные челноки привязывают к телу пакеты

с контрабандным спиртом, словно палестинские мученики взрывчатку. Мне однажды пришлось. Это была единственная граница, которую я пересёк обычным манером, собираясь набрать на той стороне туристических буклетов для экспериментов с ассоциациями. Но, услышав хруст скотча, я забыл о буклетах и подумал, что не составлю слишком большую конкуренцию этим бедолагам. Что до закона, то на него я уже тогда смотрел косо.

Итак, я гнал водку полякам. Затем нашёл покупателей в Финляндии, где платили втрое больше. Спиртное таскал по пол—ящика – всё же мой конёк лёгкая атлетика, не тяжёлая. Зато таскал часто. В день совершал по десятку рейсов. Нашлись ещё кое—какие халтурки. Германские вьетнамцы брали у меня сигареты, французские русские – икру. В общем, денежка капала понемногу. На жизнь хватало. И на путешествия.

Как только появились деньги, я покинул родителей, с которыми давно перестал ладить. Саранск оказался вдалеке от многих проложенных путей, он не имел метро, да и вообще выглядел блекло. Так что я купил квартиру в Питере, где и стал жить один.

Я не заводил никаких животных, даже каких—нибудь рыбок. Не желал иметь не то что семьи, но и более—менее постоянной подружки. О детях даже не говорю. Вряд ли тут дело в одной лишь скрытности или образе жизни, состоящем из путешествий. Гораздо важнее, что мне не хотелось нести ответственность. Я до жути боялся её. Слова Маленького Принца засели в голове, словно высеченный из камня партийный лозунг. Ответственность! В ней всё дело и другие мне не указ, не пример. Те, кто заводят животных, семьи, детей, либо чихать хотят на ответственность (и таких я презирал), либо в состоянии с ней совладать (к этим я питал уважение). Что до меня, то чихать не хотелось, но и тащить этот груз сил не хватало.

Возможно, я попросту подводил философию под свой образ жизни – это всегда проще, чем менять жизнь. Не знаю. Говорят, а больше пишут, что человек нуждается в общении. Дескать, он и человеком оттого стал, что общаться научился, и общество оттуда же пошло, цивилизация. Сомневаюсь. Лично меня одиночество не тяготит. Ну, то есть я, конечно, общаюсь, но главным образом в сети. Удобно. Тем удобно, что можно слепить себе любой имидж.

Я слепил из себя разведчика. Годков накинул с десятка, литературу по теме почитал, но в основном брал знанием стран и городов. Там кинешь вскользь про партизанский Чиापас, здесь про погоду в Мальмё, и любую мелочь, вплоть до автобусных сообщений между никому неизвестными деревеньками в джунглях, при случае вставишь. Короче провёл я тусовку интернетную. Да так руку набил, что во время войнушки одной локальной, начал разведпрогнозы в сеть сливать. И все в точку попали. Газеты тогда обо мне написали. Приятно, хотя анонимность и не позволила насладиться славой.

Так что общения, если меть в виду обмен информацией и идеями, мне за глаза хватало. А живое общение, так сказать для души... я же в транспорте полжизни провёл, живее некуда. Ну и подружки, которые иногда оставались у меня ночевать.

Девушкам у меня нравилось. Ещё бы – по стенам всевозможная экзотика развешана, на столе деликатесы редкие, просто праздник гурмана. Да и привычные вроде бы вещи несли запах «Нэйшнл Джоиграфик». Бананы из Эквадора – гроздьями, спелые – не те, что созревают месяцами в пути в брюхе балкера. Рыба с Ньюфаундленда или с рыбацких рынков Бискайского залива – не замороженная в глыбу льда, свежая. Пряности из Азии, о которых у нас и не слышали. Бордосское вино из Бордо, хотя его, разумеется, можно купить в любом супермаркете, но из Бордо получалось аутентично. Девушки принимали меня за моряка. Вряд ли за капитана, скорее за какого—нибудь моториста. Я не разубеждал.

Для девушек моряк, для виртуального мира разведчик, по образованию недоучившийся спортсмен, я по большому счёту не умел ничего в этой жизни.

Природа ходов по—прежнему не давала покоя, хотя желание раскрыть тайну и поутихло с возрастом. Больше всего мучил вопрос – являются ли эти лазейки физическим явлением, или же некая психическая (ну не магическая же?) уникальная способность возникла только у меня одного, под воздействием страха или тоски перед посещением стоматологического кабинета. От ответа на этот вопрос зависело, один ли я могу проворачивать трюки с пространством, или любой желающий.

Ответ пришёл, но принёс собой угрозу.

Однажды, совершив дежурный переход в Питер, я вдруг увидел сидящего напротив человека в серой курточке, машинально отмеченного мною ещё в Москве. Возможно ли встретить двух столь похожих людей? В совпадения я не верил. На счастье человек был сильно уставшим и не заметил меня. Может, он пробил ворота случайно, как в своё время это проделал я сам? Ждать осталось недолго. Человек продолжал сидеть, как ни в чём не бывало, а когда объявили Василеостровскую, спокойно встал и направился к выходу. Случайность исключалась.

То, что я пользуюсь ходами не один, обрадовало меня не больше чем Робинзона следы дикарских ног на берегу его острова. Изумление пополам с ужасом не помешало, однако, проследить за «попутчиком» до серого здания на какой—то там Линии.

Адресок я запомнил, и время от времени наблюдал за зданием из арки напротив. Пять или шесть раз мне удалось проследовать за человеком до метро. Обычно там я и терял его, но дважды мы перешли вместе. И хуже всего, что последний раз он воспользовался воротами вместе с каким—то парнем.

Я испугался и прекратил слежку, опасаясь разоблачения. Кто эти люди – мафия, спецслужбы или некие хранители ворот, а если последнее, то пришельцы они, или какой—нибудь мистический орден? Создали они ворота сами или только наложили на них лапу? Эти вопросы так и мучили меня до сегодняшнего дня. Впрочем, и теперь к разгадке я не приблизился.

– 5 –

В Бангалоре я едва не попадаю в западню. Они заходят с трёх сторон разом, блокируя все пути отступления. Но, на их беду, гоблины выделяются среди смуглых индусов, как белые медведи на зелёной лужайке. Я изворачиваюсь, прыгаю на ходу в переполненный автобус... Ушёл! Проскочил! Однако не вечно же будет мне так везти?

Думал ли я, что когда—нибудь явятся подлинные хозяева или узурпаторы ворот и попытаются сцапать меня за ухо, как безбилетника, а мне придётся вот так вот спастись бегством? Конечно, думал. С тех пор как уяснил, что не один пользуюсь тайными переходами. Думал и подготовился. В разведчика в сети я не зря играл – кое—что из прочитанного оказалось полезным.

У меня есть тайники. Они разбросаны по всему свету. Но прежде чем добраться до одного из них, нужно сбить со следа погоню. Необходимо что—то предпринять. Увёртываясь от рикши, я вспоминаю о велосипеде.

Знакомый по интернет—форумам диссидент как—то рассказывал мне, будто он в молодости отрывался от слежки КГБ на велосипеде. Дело в том, что агенты наружки обычно пасут клиента либо пешком, либо на автомашинах. А за велосипедистом следовать очень непросто. От пешеходов он отрывается за счёт скорости, от машин – сворачивая во дворы, используя узкие тротуары, проходы, мостики.

Не знаю, быть может, знакомый и привирал, а может, был вовсе не диссидентом, а даже наоборот. Может, он этих диссидентов допрашивал в лубянских подвалах. Так или иначе, я этот опыт решаю использовать.

Велосипедных линий у меня в наличии несколько. И все они берут начало в Амстердаме. Там, на гигантской парковке возле вокзала, я держу свой велик, купленный у местных торчков за десятку, а значит наверняка краденый. Но кому до этого есть дело?

В Кракове сажусь в электричку и через минуту прибываю на Централ Стэйшн Амстердама. Неспешно поднимаюсь по спирали парковки, открываю замок и резко срываюсь с места. С горки разгон и без того хороший, но я помогаю гравитации, давя на педали всем весом. Проношусь ураганом мимо стоящих у входа и озадаченных гоблинов.

Они не ожидали такого поворота. Бомж растерянно мечется по сторонам, Проныра бросается за мной, а Крокодил пытается завладеть чужим велосипедом. Куда там – амстердамцы те ещё жуки, даже одним замком редко ограничиваются. А ближайший прокат – пять минут ходьбы. Не успеть вам, голубчики, ни за что не успеть!

Каналы, улицы, мосты, каналы. Хорошо по ровному Амстердаму катить, приятно. Погоня отстала. На всякий случай перехожу в Йоханнесбург, затем в Тарту, оттуда обратно в Амстердам. 51—я линия метро, перехожу на 54—ю. Ворота. Кройцберг, Берлин. Погони нет.

Довольный собой, спускаюсь по ступенькам со станции «Йоркштрассе». Велосипед становится обузой и брошен возле метро. Готов поспорить, его сопрут в течение часа. Но спорить не с кем. Переулком выхожу на Кройцбергштрассе, а с неё вновь возвращаюсь на Йоркштрассе. На углу этих улиц стоит полуразрушенный корпус бывшей фабрики. Прохожу мимо, кинув на фасад фабрик рассеянный взгляд. Маячок – разбитый изолятор на проволоке – свисает со стены. Всё в порядке.

В детективах часто пишут про пресловутый волосок на капельке коньяка. Чушь! Когда я увижу нарушенный волосок, мне уже закрутят за спину ласты. Маячок должен быть виден загодя, когда ещё можно, не вызывая подозрений, сойти за прохожего. Так я всё здесь и устроил.

Поворачиваю во двор, поднимаюсь по усеянной битым кирпичом лестнице на второй этаж. По пути «отключаю» сигнализацию – вставляю в щель под перекрытием желез-

ный штырь, который блокирует проволоку. Теперь можно изымать закладку. Она в бывшей курилке, или что у них здесь было. Просовываю руку в дыру вентиляционной шахты – вот он заветный контейнер. На самом деле обыкновенная пластиковая коробка из—под какой—то химии, но мне нравится называть её контейнером.

Для начала достаю стопку автомобильных атласов «Фалькплан». Отбираю карту Соединённых штатов и Канады, сую в рюкзачок. Это для резервного маршрута отхода.

Следующим номером программы идёт ксива. Паспорт я купил здесь же в Кройцберге у местных турков. Имечко соответствующее – Ибрагим Куцгун. Это если читать по—немецки, а как оно звучит по—турецки, предстоит ещё выяснить – мало ли на какого грамотея из полицейских нарвёшься. Имя мало соответствует моей внешности и если угодно самоидентификации, но черты лица на фотографии, как ни странно подходят. Если конечно добавить «оригиналу» немного загара и вычернить волосы.

Как раз для этой надобности в контейнере лежит коробочка с гримом и краска для волос. Они тоже исчезают в ненасытной пасти моего рюкзачка – на заброшенной фабрике отключена вода и нет ни единого зеркала – придётся поискать кафешку или воспользоваться санузелом на стоянке автобана.

Деньги. Наше всё. Две перехваченные резинкой пачки. Старые добрые доллары и новопечённые, но тоже незлые евро. Деньги лишними не бывают. Именно поэтому я половинку пачки и оставляю запас в тайнике. Кто знает, как сложится с финансами в следующий раз.

Наконец я достаю пистолет, запасную обойму и выгребаю патроны, рассыпанные по коробке. «Чезет» семьдесят пятый. Чудо социалистической индустрии созданное под натовский патрон парабеллум. Штуковина массивная, на себе не спрячешь. А потому ствол с причиндалами отправляются вслед за атласом, гримом и деньгами.

Лишь несколько секунд я позволяю себе поддержать пистолет в руке. Ребристая рукоятка пробуждает воспоминания. Пистолет я обрёл в Сухуми.

Открывая новый проход, я оказался на пустой и разбитой электричке, что медленно пробиралась из Сочи. Пахло войной, и люди предпочитали ехать в обратную сторону. На сухумском вокзале этот поезд ожидали толпы людей, но диктор объявил о задержке с отправлением на два часа. Народ всё равно ворвался внутрь, кто отжав двери, кто через окна, и скоро все места и проходы заполнились людьми. В моём закутке разместилась большая семья беженцев, состоящая в основном из детей и подростков, во главе с пожилой женщиной.

Хотелось в туалет, на воздух, но я боялся выходить из вагона – вдруг не смогу влезть обратно.

– Сходите, – сказала женщина. – Мы подержим место.

Я поверил ей и вылез через окно. Нужда долго времени не заняла, и я решил прогуляться возле вокзала, просто чтобы размять ноги. Тогда город ещё не покрывали страшные развалины, война только—только входила в силу. Но первые её признаки я скоро почувствовал. И увидел.

На соседней улице прямо на тротуаре лежал облачённый в камуфляж парень. Он был мёртв. Шальная ракета? Граната? Воронки не было, но ноги убитого валялись отдельно. Из обрубков уже не текло, но тёмной крови вокруг и без того хватало. Коричневая с каким—то синим отливом кожа на лице и руках парня выглядела неестественно. Таких цветов в природе не существует, если не относить к особой расе мертвецов. Кто он такой, абхаз или грузин, чеченец или казак; защищал ли он свой дом или пришёл в чужой; кто его убил?

Не знаю почему, но я подошёл ближе. Мёртвая рука сжимала пистолет, но не сильно и мне удалось его вытащить. Зачем? Я и сам тогда не понимал. Патроны и запасная обойма валялись рядом – видимо, лишаясь сил, парень ещё пытался перезарядить оружие. Я собрал их,

сколько успел. Но тут из—за дома выскочила та самая женщина и крикнула мне, что в Пицунде высадился десант, а в Гадауте идёт бой, что электрички в Сочи больше не будет, и что они уходят к границе пешком. Я побежал за женщиной и присоединился к колонне беженцев.

Отдельная история как мы шли в Гагры, как рядом с дорогой начали рваться снаряды ли ракеты. Я мало что помню, кроме запаха мандаринов и аджики. В Гаграх мы попали в рейсовый автобус и, пробив дырку в пространстве, я исчез до того, как беженцев обыскали на мосту через Псоу.

Позже я научился добывать оружие без излишнего риска и в любых количествах. Но этот пистолет ценил всегда выше других.

– 6 –

Отсыпаюсь в соседнем с фабрикой, таком же запущенном здании. Всю ночь в соседнем крыле играют панк—рок. Не колыбельная, но я так устал. Утром, вернее уже днём, осторожно выглядываю на улицу. Гоблинов не видно. Стало быть, вчерашний день остался за мной. Выхожу.

Чем хорош этот район – здесь легко затеряться. Кройцберг расположен в самом центре Берлина. И когда город разделяла стена, здесь, под дулами советских танков, селились лишь панки и эмиграция. Потом стену снесли, но район так и остался маргинальным. Даже полиция суётся сюда только крупными подразделениями – можно нарваться на баррикады и коктейль Молотова. Зато беглецам, вроде меня, сущее раздолье.

Возле кебабницы расспрашиваю турков про моё новое имя. Оказывается это ворон по—турецки, а произносится через «з». Ну, пусть будет Кузгун.

Направляюсь в какое—то альтернативное кафе с испанским названием, там плотно обедаю. Умываюсь, гримируюсь под фотографию на паспорте, после чего меняю панковское кафе на относительно буржуйское. Там беру час Интернета, проверяю почту, создаю эффект присутствия на нескольких форумах – просто так, по привычке.

Выхожу на улицу – гоблины тут как тут. Маскировка сбивает их с толку лишь на минуту. Узнали! Бросились вслед.

Бегу. Ругаю себя.

Чёрт! Ну, вот зачем мне понадобилось в Интернет лазить?

Для перехода нужно движение. Не осознав этого, я упорно пытался медитировать стационарно. К примеру, в однотипных китайских ресторанчиках, разбросанных по всему свету. Я просиживал часами за порцией цыпленка, пытаюсь сосредоточиться или напротив расслабиться и перенестись в похожее кафе на другом краю Земли. Но тщетно. Я протирал штаны в транснациональных фастфудах, сетевых гостиницах, бродил по супермаркетам. Но найти ворота мне удалось лишь однажды, поднимаясь на эскалаторе в универмаге. Вот тогда я и осознал роль движения, а заодно включил в список транспортных средств эскалаторы.

Легче всего переход открывался на рельсовом транспорте и на троллейбусах. Хуже на автомобильном. Рейсовые автобусы ещё ничего, а вот, например, с такси случались комические накладки. Водитель хоть и не видит моего появления, но где—то в подсознании у него возникает сбой. Он, возможно, считает, что попросту получил провал в памяти от переутомления, забыл, как и где подобрал пассажира. Делает вид, что смущён, переспрашивает адрес, лихорадочно включает счётчик, терзаясь мыслью об упущенной прибыли. Короче говоря, неудобно.

Такси менялись, а велосипеды, ролики, скейтборды переносились вместе со мной. Я не стал экспериментировать с личным автомобилем или мотоциклом. Не хотелось вдруг выскочить на красный свет или на скорости оказаться без опоры под задницей. Да и не завёл я машину. Зачем? Налоги, сборы, штрафы, ремонт, бензин, парковка. Я и так легко добирался до любого места, где существует хоть какая—то цивилизация. А за город можно съездить и на велосипеде.

Настало время, когда растущий поток информации перестал помещаться в голове. Возникла потребность в систематизации знаний и опыта. Нужна была схема. Купил дорогой портативный компьютер, я принялся заносить в него переходы.

Но не всё оказалось так просто. Ворота не работали постоянно. Даже Московское метро вставало на четыре часа каждые сутки. Чего уж говорить о других. Но само по себе это пустяк,

в конце концов, отдых всем нужен. Часовые пояса, вот главный враг мой! Когда в Москве полдень, в Вашингтоне ещё ночь, а в Сеуле уже вечер. Транспорт не работает то там, то здесь. Я выучил наизусть все эти GMT, UTC и прочие стандарты времени, включая и те, что стандартам не соответствовали. Они крепко засели в голове, переключаясь по необходимости, словно реле.

Кроме того, маршруты менялись, укорачивались, закрывались совсем. Вчерашние ворота могли не сработать сегодня, а завтра открыться вновь. Метро в одних городах кишело контролёрами, в других требовалась карточка на выходе. Задний карман распух от разномастных проездных и стрипкарт, а оба боковых – от пёстрой куч мелочи. Следовало учесть и расстояния между воротами – добираться с одной окраины мегаполиса на другую – занятие для мазохистов. А погода и климат? Всякое бывало – и в шортах по колено в снегу появлялся, и на экваторе в полдень в пуховике. Выручал рюкзачок с одеждой, который я взял за правило всегда таскать с собой.

Проблему часовых поясов частично решили лифты! Я не сразу на них наткнулся, ведь и в Саранске и в Питере жил в небольших домах. Лифты как правило работали круглосуточно, и было их много. Правда, во многих домах стояли кодовые замки на подъездах, а в учреждениях и отелях – подозревающие всех швейцары, консьержки и вахтёры. И ещё оставалась опасность попасть в режимное учреждение. Окажись я в кабине с чернокожими офицерами какого —нибудь африканского генштаба и доказывай потом, что примус починяешь. Так что лифтами я пользовался осторожно.

Схема нуждалась в каркасе. В чём—то подобном кольцевой линии московской подземки. Я отобрал два десятка самых крупных и изученных мной мегаполисов – перекрёстков, от которых расходились линии перемещений по всему миру. Линий получилось много, они пересекались, ветвились, иногда заканчивались тупиками. Даже карта лондонского метро показалась теперь детским ребусом.

В итоге, схема представляла собой финал конкурса среди пауков на лучшую паутину. Полюбовавшись работой, я включил принтер и сшил вылезшие из него листы в атлас. Единственный в мире, как я наивно полагал, пока не повстречал настоящих хозяев ворот.

– 7 –

Второй раз на финте с велосипедом гоблинов не проведёшь. Да и велосипеда не оказывается на месте – спёрли, как я и предсказывал. У меня остаётся единственная хитрая норка – Парк развлечений в Калифорнии. Там за «Русскими горками» есть небольшой аттракцион на сюжет «Звёздных войн». Прелесть этой забавы для нынешней ситуации заключалась в том, что посетителей туда запускают поодиночке. То есть, я спокойно перехожу из здешнего «космического» лифта в «космический» же лифт, но уже в парке возле Великих Озёр. А мои преследователи тупо ожидают своей очереди. Минимум десять минут форы. За это время я, не используя ворот, отбываю автобусом на Чикаго и успешно теряюсь на американских хайвеях. Для того и взял атлас из тайника. Второй раз буду умнее и затихарюсь по—настоящему, без самоуверенных вылазок в сеть.

Для начала пытаюсь затеряться в толчее парка, куда проникаю мимо входа, появившись в прогулочном «паровозике». Оглядываюсь. Не тут—то было – гоблины едут в соседнем вагончике, без малого дыша в затылок. Это бы ладно, но ещё около десятка их злобных собратьев устремляются ко мне со всех концов парка. Такое ощущение, что меня здесь поджидали. Неужели знают? Самое неприятное открывается позже – путь к «Русским горкам» отрезан, а значит хитрая норка пока недоступна. Иначе говоря, бежать некуда, меня окружают и вот—вот прикончат. А народ вокруг веселится. Жрёт мороженное, фотографируется с поролоновыми Микки—Маусами, гогочет. Ему, народу, неведомо какая драма близится к трагическому финалу под самым его, народа, носом. Пожалуй, только кровь сможет отвлечь людей от потехи, да и то ненадолго. Но кровь—то моя, и это мне кажется чрезмерной платой за общественное прозрение.

Необходимо время, чтобы собраться с мыслями, так как пока никаких свежих идей в голову не приходит. Нужно где—то укрыться, хотя бы на некоторое время. Соскакиваю на ходу с паровозика. Тут же замечаю Крокодила с Толстяком, которые бросаются наперерез со стороны «Утиных историй».

– Обложили, меня, обложили. Гонят весело на номера... – напеваю я.

Стараясь не выглядеть затравленным, оглядываюсь по сторонам. Возле «Пиратского острова» наблюдается подозрительная толчея, в ней могут затесаться гоблины. А вот в «Юрском парке» вроде бы то, что надо – вагончик почти заполнен, но пара мест всё ещё остаются пустыми. Отлично! Как раз позволит отсечь погоню. Несколько минут покоя – тоже неплохо по нынешним временам. А на выходе придумаю что—нибудь. Сигану через ограждение. Не впервой.

Плюхаюсь в кресло. Человек двадцать, давно занявших места, извелись в нетерпении, ожидая начала. Наконец, гремит неуместный здесь колокольчик и нас отправляют по рельсам к искусственной пещере. Я читал Майкла Крайтона. Хорошая книга, мне понравилась. Фильм гораздо хуже, хотя и зрелищнее. Спилберг выхолостил из темы всю научную фантастику и сделал триллер. Диснейленд довершил начатое Голливудом. Аттракцион годен пугать маленьких детей, но почему—то в кабине их нет, сидят сплошь взрослые люди. Сидят и визжат. Мне не до липовых ужасов, адреналин и так только что из ушей не хлещет. Нужно искать выход. Выход.

Каучуковая голова ящера высовывается из пластмассовых зарослей и щёлкает зубами над публикой. Все дружно визжат. От неожиданности я тоже зажмуриваюсь. И вдруг, теряя под собой опору, падаю в высокую траву.

– 8 –

Раздумывать, что там случилось, нет времени. Возможно, негодяи подорвали аттракцион, и кабинка слетела с рельсов. Хотя ни взрыва, ни криков людей, я не услышал. Перекатываюсь поближе к какой—то кочке, прячусь за ней. Достаю пистолет и щёлкаю предохранителем. Момент истины, так это называется.

Я не собираюсь продавать шкуру подороже, я не торгую жизнью. Я надеюсь победить и у моей надежды есть основания. Не такие уж они и ворошиловские стрелки, раз промазали в парке. И потом, гоблины наверняка не желают лишнего шума, и если даже не было взрыва, то пальба должна заставить их отступить. Через пару минут сюда сбегутся полицейские и охрана парка. Сейчас все помешаны на террористах и снайперах—маньяках.

Запах. Какой странный запах. Напоминает лесной, хвойный, но с необычным едким привкусом. И тишина. Нет, не совсем тишина – звуки доносятся, но это не голоса людей и не шум механизмов. Открываю глаза, поднимаю голову над травой. Вокруг ни людей, ни домов, ни аттракционов – только покрытая пологими холмами, изрытая оврагами степь, или вернее прерия с частыми островками леса. Над прерией висит Солнце – наверное, единственный знакомый мне элемент ландшафта. Где же гоблины? Их нет.

Вдалеке над зеленью поднимается морда диплодока или кого—то похожего на него и голова эта выглядит отнюдь не резиновой. Чёрт! От догадки становится дурно. Я и не предполагал, что ворота могут пронзать время. Спину холодит, когда я вспоминаю о тиранозаврах и прочих плотоядных. Спилберг уже не кажется мне халтурщиком.

Однако я жив уже больше минуты. Вокруг вовсе не кишат летающие и скачущие твари, как это любят изображать в реконструкциях. Кроме единственного диплодока других динозавров пока не видать. Мысли обгоняют одна другую. Как же мне теперь выбраться отсюда? Это ж Юра! И куда делась погоня? Последуют ли гоблины за мной, или уже потеряли след? А если последуют, куда мне бежать дальше? В прерию?

Сидя в траве, я размышляю, наверное, около часа. Неожиданно в затылок бьёт струя холодного воздуха, и мне чудится родной до боли в сердце запах выхлопных газов. Оборачиваюсь – на кочке лежит поднос с едой. Штамповка с отделениями для первого, второго, салата, с аккуратной дыркой для стаканчика. В стаканчике, судя по цвету апельсиновый сок, а может быть лимонад. К единственному тонюсенькому кусочку хлеба, шпилькой для сэндвичей приколот записка. Затаив дыхание, читаю:

«Вы, верно, уже догадались куда попали.

Пойти на этот шаг нас вынудила необходимость в сохранении тайны.

Увы, но Ваша ссылка бессрочна. Три раза в день независимо от местонахождения, Вы будете получать питание, содержащее достаточное количество калорий для поддержания жизни.

P.S. За окружающую среду не беспокойтесь. Подносы сделаны из материала, который разлагается в течение суток».

– Дерьмо! – кричу я, и повторяю это слово на всех известных мне языках.

Так это была не погоня, это был гон, травля, и меня загнали сюда словно волчару, обложив красными флажками.

– Дерьмо! – повторяю я и мне становится чуточку легче.

Ну нет, это не спецслужбы и не мафия. Те попросту бросили бы меня здесь, или скорее пристрелили бы. А эти какие—то не по—человечески гуманные. Эта эпистолярная «Вы», да ещё дурацкие разлагающиеся подносы... экологи хреновы!

Что ж, я пока жив и это главное. Нечто похожее я читал в каком—то фантастическом романе. Там троцкистов, анархистов и прочих леваков ссылали в Кембрий. Так что по сравнению с их ссылкой, меня всего—навсего выставили за дверь.

– 9 –

Они, наверное, празднуют победу. Довольны, что отделались от нарушителя. Возможно, получают сейчас награды, пожимают друг другу руки, бьют пробками шампанского в потолок.

Они будут праздновать победу ещё четыре дня, а на пятый один неприметный сервер, свободный от контроля всяких там «Эшелонов» и СОРМов, не получив вовремя кодового сообщения, откроет всеобщий доступ к особому сайту. А с моего скромного счёта, уйдёт платёж за баннерную рекламу. Очень агрессивную и дорогую. На сайте же людям откроется потрясающая перспектива. Информация на пяти языках с описанием тысячи самых доступных ворот, медитационной системой и рекомендациями, как самостоятельно отыскивать новые переходы.

Многие сочтут это за бред или розыгрыш, но я знаю человеческую натуру – не меньше найдётся тех, кто захочет попробовать. И тогда возникнет цепная реакция, которую не остановит никакой орден и никакая мафия. Да и государства не смогут остановить. Метро не закопашь, всех горок не сроешь. Это вам, сукины дети, не летающую тарелку в ангаре спрятать.

Информационную кампанию я подготовил на случай собственной смерти. Не как страховку, нет. Просто не хотелось уносить чудо в могилу. У меня так и не появилось никого, с кем я мог бы поделиться знанием, вот я и решил подарить его человечеству. Знание должно принадлежать всем. Это я понял давно, но позволил себе придержать тайну.

Что теперь значат границы; что значат колючие проволоки, контрольно—следовые полосы, пулемётные вышки, секреты, разъезды; какой смысл в таможах, санитарных кордонах. Через четыре дня тысячи людей узнают, как обойти их.

Интернет стал первым шагом на пути к свободе, а ведь сколько шуму наделал. Что будет теперь, когда границы исчезнут не только для информации, но и для людей? Простых людей. Привычный мир рухнет. Туда ему и дорога. Мне не жалко. Сам я давно уже живу в другом мире. А теперь лишь пригласил всех к себе.

К себе. Вот тут есть проблемы.

Но я верю, что выберусь отсюда. Все прежние ворота срабатывали в обе стороны, и нет оснований думать, что здешние устроены иначе.

Там за прерией я увидел отблеск моря. Я пойду туда и сделаю лодку. Человек научился делать лодку раньше любого другого транспорта, раньше, чем обманул лошадь. Я сделаю лодку и вернусь.

Но когда я вернусь, им будет не до меня.

Часть I. Река времени

Старый мир исчез безвозвратно. Впереди все было ново, полно неизвестности. Неожданное сместило перспективу, обесценило ценности и, озарив все своим колдовским светом, смешало реальное с нереальным, сплетя их в странный, путанный клубок.

Джек Лондон. Неожданное

Глава первая. Остановка в пути

Путешествие во времени занятие утомительное. Тем более путешествие вынужденное. Расхожее, закреплённое мифологемами и метафорами, представление о времени, как о реке, как ни странно, получило в моём случае реальное воплощение. К сожалению, подобная аналогия вовсе не означала лёгкой прогулки. Если уж пользоваться метафорами, то мой путь через века и эпохи больше напоминал восхождение на горный хребет, когда трещат от напряжения суставы, слезает с ладоней кожа, а мышцы хоть и наливаются сталью, но сталью расплавленной, воспаляющей каждую нервную клетку.

Лениво работая ложкой, я поглощал горячую пищу и наслаждался жизнью. Я радовался не столько тому, что выжил, сколько обрётённому на время теплу и покою.

Средневековый Псков весьма удачное место, чтобы перевести дух. Местные жители не слишком обращают внимания на внешний вид, говор или различия в вере, и в пёстрой толпе приезжих довольно просто скрыть экзотическое происхождение. Город живёт торговлей, а эта сфера деятельности делает людей терпимыми. Ведь по большому счёту торговля и породила такое явление как человечество.

Конечно, и здесь случается всякое. Бывает, нагрянет чума, или война, или голод, и в такие периоды любую инаковость могут растолковать как причину бедствия, могут даже спалить чужака на костре в целях профилактики катастрофы. Но когда в исторической мясорубке наступает затишье, Псков вполне годится для передышки.

Тут, правда, следует сделать важную оговорку. Под передышкой я подразумеваю именно передышку и ничего более. Некоторые путают отдых с развлечением, а тут уж никаких гарантий. Одно дело затаиться в норе, получив вместе с крышей над головой относительную безопасность, и совсем другое – отправиться на экскурсию, доставая прохожих ехидными вопросами об особенностях их культуры, или выяснять у патриархальных предков, где тут можно снять девочек и купить травки. Не думаю также, чтобы на улочках Пскова показались уместными полицейская форма, интернетовский сленг, сатанинская татуировка или панковский «ирокез» ярко—зелёного цвета. Всякой толерантности есть предел и путь на костёр или на дыбу мог начаться с любого неверного шага.

Меня же вполне устраивала скромная роль иголки в стоге сена, которую, что важно, никто не ищет. Худая по меркам средневековья родная речь благополучно растворилась в интернациональном многоголосии, тем более что твёрдых канонов языка на Руси утвердить пока не додумались. Зная неплохо польский, я мог сносно общаться на любом из славянских языков. Индейскую куртку и джинсы маскировало ярмарочное разнообразие одеяний, а сношенные кроссовки я в первый же день сменил на сапоги – обувь настолько универсальную, что на умеренных широтах трудно представить себе культуру, где она смотрелась бы вызывающе. Что до причёски, то за время странствий я изрядно оброс, а длинные волосы и заросшее лицо считались здесь в порядке вещей.

Эта естественная маскировка причиняла одно неудобство – во время трапезы поросль цепляла на себя кое—что из предназначенного утробе. Поедая густые щи из глиняной миски, я то и дело промакивал заляпанные с непривычки усы и бороду хлебным ломтём. Волосы и щетина цеплялись к мякишу, вместе с ним отправлялись в глотку, где прилипали к языку, нёбу и неприятно щекотали гланды. Я откашливался и вновь принимался за еду. Что поделать, салфеток на постоялом дворе не водилось, а от простенькой идеи вытирать рот рукавом я отказался, как только подумал о трудностях средневековой стирки.

Бытовые условия и без того оставляли желать лучшего. Стараясь избежать чужого внимания, я, видимо, переусердствовал с конспирацией. Моим пристанищем стало убогое заведение на окраине Пскова, называть которое постоянным двором не поворачивался язык. Скорее это была ночлежка, средневековый бомжатник. Обыкновенная крестьянская изба с крошечными, в один венец высотой, оконцами и низким потолком, владелец которой (со смешным прозвищем Ухо) предоставлял за умеренную плату стол и кров всем желающим. Случалось, он пускал бедняков в обмен на какие—то вещи, возможно, краденные, за помощь по хозяйству, а то и просто из жалости. Кто—то уходил, кто—то приходил, иные жили неделями. На ночь обычно оставалось полтора десятка человек. При этом считалось, что заведение пустует по случаю тёплой погоды. Зимой, как утверждал Ухо, сюда набивалось вдвое больше людей.

Мы спали в той же комнате где и ели. Вечером разбирали стол и укладывались кто на лавке, а кто на полу. Мешки и котомки служили подушками, одежда – подстилками и одеялами. Я спал как младенец, не обращая внимания на запах немытых тел, укусы насекомых, стоны и храп. После скитаний по диким местам любые неудобства казались мне сущей безделицей, а долгое пребывание в компании с ископаемыми ящерами научило ценить человеческое общество, пусть даже оно испускало звуки и запахи, достойные иных монстров.

Бегство из ссылки едва не доконало меня, но, получив передышку, я быстро оклемался, а разум, ранее сосредоточенный только на выживании, стал искать иного приложения.

А поразмыслить было над чем. Волею судьбы, вернее сказать, волею кучки гоблинов, принадлежность которых так и осталась тайной, я оказался заброшен в прошлое. На первых порах мной двигало единственное желание – вырваться из западни и вернуться домой. Затем, как—то само собой пробудилось любопытство. Я не историк, даже не особый любитель истории. Тексты из школьных учебников всегда воспринимались мной на уровне газетных передовиц, то есть не воспринимались вовсе. Стараниями их авторов прошлое превратилось в нуднейшее повествование, пересыщенное идеологией и фальшивыми мифами.

Теперь—то я мог кое—что увидеть воочию. И спешка была бы равносильна пробежке сквозь экспозицию музея в духе стратегии карикатурных японских туристов: час на Лувр, два – на Великую Китайскую Стену. Правда, поначалу, когда в музей тебя втолкнули, угрожая пистолетным дулом, о золочёных шлемах под стеклом как—то не думаешь. Тем более, что и втолкнули—то не куда—нибудь, а прямоком в зал палеонтологии с живыми такими экспонатами. Так что пришлось повертеться, чтобы не стать их рационом. Но спустя некоторое время нервы пришли в норму, тело втянулось в работу, а когда на периферии зрения замелькали пейзажи антропогена, голова сама собой принялась озираться по сторонам.

Несколько дней псковских каникул придали мыслям нужную упорядоченность. Я озадачился, как бы использовать выпавший на мою долю фантастический шанс, за который всякий честный учёный продал бы душу дьяволу?

На первый взгляд уникальное положение давало массу соблазнительных возможностей, однако, при более пристальном рассмотрении перспективы терялись в тумане скромных познаний. То, что я увидел вокруг, вовсе не напоминало музей. Никто не удосужился развесить по стенам доспехи, расставить артефакты с табличками, или сопроводить панораму исчерпывающим комментарием. Что хуже – отсутствовали указатели. Книжки рассказывали о великих свершениях и великих героях, а реальность растворяла их среди тысяч скромных событий

и миллионов простых людей. Я ощутил себя в сказочном лесу, состоящем сплошь из обыкновенных деревьев. Всё сказочное пряталось где—то в дебрях, и обнаружить его было куда сложнее, нежели заблудиться и сгинуť. Что толку в отмычке, если не знаешь, как отыскать нужную замочную скважину.

Нет, профессионал, наверное, нашёл бы и здесь много ценного для науки. Быт, одежда, обряды, говор, да мало ли что волнует академические умы. Но я—то профессионалом себя не считал и желал увидеть нечто более зрелищное, чем какие—нибудь аспекты социальных отношений или нюансы культуры.

Извилины перебирали загадки истории, когда—либо встреченные мной на страницах популярных изданий. Ответы на некоторые из вопросов могли стать сенсацией и потешить моё самолюбие. Практичная часть натуры припоминала легенды о многочисленных кладах проигравших монархов, разбойников и самозванцев. Но информации не хватало даже для определения отправной точки поисков. Даты, услужливо поставляемые памятью, касались исключительно войн и революций, словно всё развитие человечества состояло из одной бесконечной резни. Соваться в горнило империалистических или классовых сражений не было ни желания, ни смысла. Шансов увидеть что—либо действительно интересное было немного, а резня как таковая меня не привлекала. Я по горло насмотрелся кровищи в родном столетии, и вряд ли по этому показателю его могло переплюнуть какое—то из предшествующих.

Чем больше я размышлял, тем очевиднее становилось, что по большому счёту меня не интересует история. Нет, я не прочь побродить по древним городам, посмотреть на жизнь, на архитектуру. Но и только. Распутывание загадок, кроме серьёзного риска нарваться на тех, кто желает сохранить тайну, требовало ещё и массу времени, а я не собирался надолго зависать в прошлом. По той же причине сорока миллионами лет ранее мне не пришло в голову изучать повадки динозавров, хотя даже поверхностный взгляд, вероятно, потянул бы на толстую книгу.

Мне хотелось поскорее попасть домой. Вернуть кое—какие долги неким гоблинам, а уж потом, если позволит обстановка, можно будет заняться и путешествиями во времени. К примеру, почему бы не заглянуть в будущее. Вот оно меня влекло куда сильнее, чем прошлое.

Однако прошлое задалось целью поймать туриста на крючок и забросило другую наживку. Ведь вернуться можно и не с пустыми руками. Отчего бы не набить карманы артефактами, раз уж возникла такая оказия? Одна только пригоршня здешних монет могла принести больше, чем годовой заработок контрабандиста. Причём никаких проблем с радиоуглеродным анализом. Металл он металл и есть.

Улыбка сидящего напротив человека заставила меня вздрогнуть. На миг показалось, будто он читает мысли по моему напряжённому от раздумий лбу, словно морщины являются строчками донесения. Читает и ухмыляется в ответ.

Заподозрив неладное, я огляделся. Комната оказалась пуста. За столом кроме нас двоих никого не осталось. Привычка размышлять во время еды часто приводила к тому, что я пробуждался от мыслей в полном одиночестве. Прочие обитатели ночлежки спешили набить чрево и разбрестись по делам. Только ужин мы заканчивали сообща. После него следовало разбирать стол и прибираться в комнате, а семеро одного ждать не желали.

Но сейчас время обеда. Народ разбежался, а хозяйка, собрав грязную посуду, отправилась на реку. Я прислушался. Ухо возился где—то во дворе. Судя по звукам, кромсал дерево топором, заготавливая то ли дрова, то ли лучину, то ли дранку для крыши. В общей комнате он вообще появлялся редко, в дела клиентов предпочитал не соваться, а отношения с ними за редким исключением ограничил взиманием платы за постой. Но что интересно ни краж, ни поножовщины в ночлежке не случалось ни разу. Люди как—то сами ладили между собой.

Я перевёл взгляд на незнакомца. Да, пожалуй, именно незнакомца, ибо, подумав, я не смог припомнить, будто он когда—либо садился за стол вместе со всеми. На моей памяти

этот тип вообще не появлялся здесь. Вызывало подозрение и то, что он ничего не ел, хотя перед ним стояла миска со щами. Человек просто смотрел на меня и улыбался.

Молчание продолжалось несколько минут.

– Мы не ожидали, что вам удастся выбраться оттуда... – произнёс, наконец, он.

Этой фразой незнакомец расставил все точки над разнообразными буквами. Он знал, кто я такой, знал, куда меня забросили, но главное дал понять, что представляет тех самых гоблинов, которые были виновниками всех моих несчастий.

Окатив его взглядом, одновременно презрительным и вызывающим, я не утерпел и вытер рот рукавом. Бесстрашие было форменной рисовкой. На самом деле мне стало жутко от догадки, какое именно дело привело в ночлежку этого типа. Гоблины наверняка решили вернуть меня туда, откуда я с таким трудом выбрался. Небось, ещё и накинут к сроку пару десятков миллионов лет за попытку к бегству.

Лодку мне построить тогда так и не удалось. Да уж... поди попробуй, сруби дерево, раз-делай его на доски и сколоти лодку, не имея ни топора, ни пилы, ни гвоздей, ни, главное, нуж-ных навыков и знаний. В отчаянии я проклинал цивилизацию, не научившую меня примитив-ным вещам, ругал себя за непредусмотрительность, как будто мог предвидеть подобный вывих судьбы и положить в рюкзачок топор.

Трубный рёв властителей юрского периода стимулировал мозговую активность. Я пере-бирал варианты, черпая вдохновение из книг и рассеивая надежды с помощью житейской логики. Памятуя об уроке Робинзона, сразу отказался от долблётки. Да и нечем было долбить древесину. Перочинный нож, собственные ногти и зубы, сильно уступающие, к сожалению, местным аналогам – вот и всё чем я располагал. Отсутствие подходящих шкур и костей, поста-вило крест на проекте каяка. В самом деле, не устраивать же с жалким пистолетиком охоту на динозавров. А никакого иного зверья вокруг не водилось.

В конце концов, выход нашёлся. Стоило только снизить планку технологических требо-ваний. Плот ничуть не хуже лодки подходил для поставленной задачи.

Правда и с ним пришлось повозиться изрядно. Я отыскал несколько сухих, но ещё не слишком гнилых стволов, достаточно лёгких, чтобы управиться в одиночку и надеяться на их положительную плавучесть. Из коры, из травы, из собственных ремней изготовил кре-пёж. С великим трудом получился убогий плотик, едва способный держать на воде человека.

Убогий так убогий. Я не собирался пересекать океан, опережая не только Хейердала, но и само человечество по следам расселения коего пустился в путь неутомимый норвежец. Вернее, всем им ещё предстояло пуститься, а прежде того родиться. Мне же хотелось просто вернуться домой, а для короткого, если мерить пространством, заплыва вполне годился скром-ный заливчик, к которому я вышел на второй день ссылки и облюбовал, не только имея в виду судостроительные планы, но и подметив, что местная фауна держалась в стороне от него.

Поначалу побег казался делом элементарным. Пространство и время имеют одну при-роду, по крайней мере, применительно к моему случаю – это продемонстрировали гоблины, забросив меня в Юру. Они воспользовались визуальной привязкой, купили меня на резиновую голову динозавра. Так что мешало мне разработать собственную систему визуальных ассоци-аций, способную проторить обратный путь?

Кое-что конечно мешало. Здесь не найдёшь подходящего моей эпохе маячка, который укажет верное направление. Маленькие динозаврики вряд ли бредят Антропогеном, а мамыши едва ли водят отпрысков в «Парк Четвертичного Периода», где над ушами доверчивых посе-тителей щёлкает зубами восковая голова человека.

Что ж, значит, следовало задействовать воображение. Пока руки занимались постройкой плота, голова подыскивала нужный образ. Единственное доступное средство передвижения определило выбор. Я решил, что достаточно будет вызвать перед глазами очертания известного

берега, нарушенного человеческой деятельностью, например, представить набережную какого-нибудь города, и править свой плотик к ней.

Результат оказался нулевым. Сколько бы я ни воображал, какие бы города не перебирал в памяти, пробиться через время не получалось. Плот мотался в заливчике с теми же видами на успех, что поплавок в ванне.

Вот тогда я перепугался. Не меньше, чем до этого, осознав, что оказался в далёком прошлом. Неужели тюремщики лишили меня способности к прыжкам? Или тот прорыв времени, что забросил меня в юрский период, был единственным исключением? А быть может, голого воображения недостаточно и сознанию всё же необходима материальная зацепка? Но ведь до сих пор пробивая пространство, я пользовался исключительно воображением. Или нет?

– Эй, ископаемые! – крикнул я пасущимся вдалеке животным. – Кто—нибудь из вас знает, где тут собака зарыта?

Хозяева здешнего мира проигнорировали чужака. Копать пришлось самому. Из камней и песка я создал на берегу фигуру, пропорциями похожую на снеговика. Вместо рук приспособил сучья, вместо головы подходящий по размерам череп. Набросил на деревянные плечи пуховик, надвинул на костяной лоб кепку. Отошёл на два десятка шагов и полюбовался шедевром. Издали фигура вполне походила на человеческую. Я бы даже сказал, что в её очертаниях угадывалось что—то от Дэнни ДеВито.

– Такие дела, Дэнни, – сказал я. – Остаёшься за старшего. И раз уж тебя назначили пугалом, постарайся напугать меня посильней. Если всё пройдёт, как задумано, тебе в наследство достанется моя куртка и кепка, а так же весь этот чёртов мир. – Я хлопнул его по плечу, едва не развалив скульптуру. – Владей, Дэнни.

Я отвёл плот почти на середину залива и развернулся. Разумеется, собственное творение не могло напугать меня хотя бы на миг, чтобы повторить эффект аттракциона с пластиковой головой динозавра. Но я надеялся, что одинокий силуэт на берегу вызовет какую—нибудь ассоциацию.

Тщетно.

Я перебирал один вариант за другим. Возводил из песка замки, ставил шалаш, мастерил фигуры людей и животных. День за днём носился на плотике по заливу, пробуя разные ракурсы, дистанцию и скорость; прикрывал глаза, размывая картинку, прищуривался, делая её более чёткой, зажимивался, полностью отдаваясь воображению; но так и не смог никуда переместиться.

Мало—помалу отчаяние перерастало в равнодушие. Я готов был сдаться. Сознание всё чаще переключалось с поисков выхода на необходимость как—то обжиться здесь, в этом времени. Всё труднее становилось отгонять предательские мысли, которые осаждали меня, точно стая падальщиков мясную тушу. Тут ведь как – стоит только поддаться лживости здравого смысла, начать обустройство быта, и повседневные заботы утянут тебя в трясины.

Умные книжки утверждали, будто лучшим моментом для побега из тюрьмы или лагеря являются первые дни заключения, когда ещё есть силы, желание и нужный настрой. Ещё лучше бежать с этапа, из зала суда, из отделения, а то и вовсе с места задержания. Потом будет только хуже, потом наверняка обломают, согнут, выпотрошат душу, лишат вкуса к жизни и свободе.

Не вдали книги, я нутром чуял, что не вдали. Пусть меня не охраняли вертухаи со злобными псами, пусть отсутствовала колючая проволока и пулемётные вышки. Хватало и собственного разума, который, отказываясь искать выход, превращался в абсолютного тюремщика. Я осознавал, что чем дальше, тем чаще попытки возвращения будут откладываться из—за всякого пустяка, и настанет момент, когда здешние условия покажутся мне вполне сносными, а родной дом превратится в смутную легенду. И потому я не позволял себе даже завести календарь, опасаясь, как бы пресловутое бревно с зарубками не превратилось в жертвенный столб.

Как ни странно, но единственный признак существования надзирателей помог мне избежать капитуляции в большей мере, чем собственная воля. Подносы с едой возникали регулярно, словно вестники потустороннего мира. Они волей—неволей связывали меня с родным временем, а, кроме того, позволяли не думать о хлебе насущном. Ведь добыча еды – первое, что заставляет отвлечься от идеи.

Ну а ещё я развлекался, не давая прорасти отчаянию. Как? Я топтал бабочек! Это превратилось в какую—то манию, в крестовый поход против самого времени. Я давил их всюду, где только встречал.

Как ни странно, но раздавленные бабочки привели таки к серьёзным изменениям. Нет, не эволюции, конечно, и не истории как таковой, но окружающей меня обстановки. Какой—то зверёк выбрался вечером из невидимой норки, чтобы утащить набитые за день трофеи. Зверьком он был не в просторечном смысле – в самом что ни на есть научном. Он чем—то походил на обыкновенную мышку, хотя имел пёструю окраску.

– Мы, млекопитающие, должны держаться друг друга, – сказал я, бросив гостю немного каши.

Тот испугался, сбежал, но следующим вечером появился вновь. И потом стал приходить каждый вечер и исчезать под утро. Зверёк держался осторожно, но мало—помалу перестал бояться, а недели через две уже ел у меня с руки.

– Жаль, что не могу научить тебя разговаривать, – говорил я, скармливая товарищу бабочек. – «Бедный, бедный Хробинзон...» Впрочем, извини, ты не попугай, конечно. Ты ближайший мой родственник, если подумать. Предок.

Я понял, что, кажется, понемногу схожу с ума и если меня не добьёт отчаяние и не сожрёт апатия, сумасшествие довершит разрушение личности.

Вырвался я оттуда чудом. Я даже не уверен, что смог бы повторить такой трюк ещё раз. Чудо трудно загнать в систему исходных условий.

Как—то раз мне пришлось в голову отправиться на плоту ночью. Это был смертельный номер, на который я решился только от безысходности. Какие—то твари постоянно плескались в водах залива. Днём я иногда наблюдал их тёмные спины, едва различимые среди волн, и старался держаться подальше, памятуя, что дожившие до моего времени крокодилы порой закусывали пловцами.

В темноте опасность усиливалась стократ. Тем не менее, я решил рискнуть. Погрузил вещи, посадил на плот млекопитающее и оттолкнулся шестом от берега. Боясь заглядывать в тёмные глубины залива, я смотрел вверх.

Ночное небо совсем не казалось родным. Не знаю, как шустро бегают звёзды на небе и что значат для них сорок миллионов лет, но мне не удалось найти даже Большую Медведицу. Тоска усиливалась. Я впал в какую—то прострацию. Желание видеть людей стало столь велико, что я зажмурился и представил костёр, разведённый на берегу, возле которого сидят люди. Артель рыбаков, сбежавшие из дома мальчишки, разбойники, туристы или кто—то ещё, неважно, главное люди. Я представил мерцающий огонь, зыбкое отражение на поверхности воды. Представил и попал в яблочко. Что ни говори, а огонь обладает неким мистическим свойством. Иначе как объяснить, почему ему удалось то, что не удавалось всем моим произведениям из песка и камня.

Я открыл глаза. В дрожащей прибрежной полосе отражался небольшой костерок. Я боялся поверить, что это не случайное возгорание, не галлюцинация, вызванная душевным расстройством. То ли от избытка чувств, то ли от страха, по моим щекам побежали слёзы. Я зачерпнул ладонью воды, желая освежить лицо. Пара капель попала на губы. Я не сразу сообщил, что получил подтверждение чуду. А когда сообразил, улыбнулся. Вода оказалась пресной. Воображение победило.

Жаль только, что милый зверёк остался в прошлом. То ли его смыло водой, то ли не пропустила дыра во времени. Но тогда я об этом не думал. Я праздновал победу.

Глава вторая. Дорога домой

– И что теперь? – спросил я незнакомца.

Видимо из садистских наклонностей тот всё это время молчал, позволяя мне ещё и ещё раз испытать пережитое.

– Ничего, – ответил гоблин. – Вы не нарушили э—э... так сказать, режима пребывания. И мы не нарушили своих обязательств. Питание продолжает поступать к вам регулярно, не так ли?

Я кивнул. Что правда, то правда. Казённый рацион появлялся всякий раз, когда я испытывал голод. Скажем, если мне удавалось разжиться местной пищей, пайку не подавали, но всё остальное время поднос с едой возникал трижды в день, как скатерть самобранка.

Тюремщикам было невдомёк, что именно их забота о пропитании узника позволила оному сохранить рассудок и в конечном итоге вырваться из западни. А я посчитал излишне красивым жестом указывать врагу на промахи.

– Кто вы такие?

Собеседник улыбнулся. Вопрос остался без ответа.

– Какой нынче год? – спросил я. – Тут, знаете ли, ведут счёт от сотворения мира, а я не помню, когда именно его сотворили и как пересчитывать даты на привычную Нашу Эру?

– Рождество Христово, – поправил он. – Зашли бы в храм и спросили у батюшки. Или у иноземцев, – человек, подумав, всё же сказал. – Сейчас тысяча пятьсот седьмой год. Через три года здесь станет не слишком уютно. Так что пускать корни не рекомендую.

– Как будто я собираюсь вообще пускать корни, – буркнул я и спросил просто так, чтобы поддержать разговор. – Как там теперь?

– Под «там» вы подразумеваете время, в котором жили, а под «теперь» следует понимать четыре месяца после вашего исчезновения? Ведь столько времени вы провели в скитаниях? Биологического времени, я имею в виду или, иначе говоря, времени вашей памяти.

– Чёрт! Как теперь узнать, когда нужно отмечать дни рождения, – ругнулся я просто так для разрядки. На дни рождения мне было плевать. – И всё же, как дела на родине?

– Ваше открытие «там» наделало много шума. Но «теперь» нам удалось справиться.

Кавычки он отмечал кивком сдвоенных пальчиков, будто завзятый западный лектор.

– Удалось справиться? – удивился я. – Вы что же, выкинули всех в юрский период?

– Этих «всех» оказалось не так много, как вы очевидно рассчитывали. Единицы, если уж оперировать порядком. И к счастью обошлось без радикальных мер.

– Единицы? И всё?

– Вы слишком большое значение придали собственному опыту. Транспортные линии, фонетические детонаторы, визуализация. Всё это любопытно, но малоэффективно. Интуитивный способ познания – удел меньшинства. В ваше время, разумеется. Он отрицает метод, а без методики передать открытие другим можно только с помощью веры. Но сетевые публикации не слишком удобны для вербовки адептов. Вам стоило бы создать церковь. Увлечь людей личным примером, словом.

Он явно глумился. Все тюремщики измываются над подопечными. Такова их природа или таков отбор в пенитенциарные институты.

– Большинству же нормальных людей требуется что—то более серьёзное, – закончил гоблин. – Фундаментальная наука, например.

Плохо же он знал моих сограждан. Нет, раньше в науку верили больше, связывали с ней какие—то надежды, но с падением системы, знания размылись, эзотерические учения взяли реванш.

– Вроде бы я использовал и научный путь. Вы, верно, упустили из виду небольшую статейку о пятом измерении? Прошляпили. В таком случае вас ожидает сюрприз.

Я был доволен, словно провёл самого дьявола. Но на собеседника мой самодовольный вид впечатления не произвёл.

– Ваш удел интуиция, а в науке вы полный профан, – вздохнув, сказал он. – Даже в вашей несовершенной науке. Вы чересчур раздули такое простое понятие как измерение, перегрузили его смыслами, вырастили целую философию, в то время, как это не больше чем система координат. Рулетка с нанесёнными на неё дюймами или сантиметрами, а вовсе не свойство реальности.

– Но учёные...

– Бросьте. Ваши учёные осмыслили не время и пространство, как таковые, а лишь некоторые их проявления, которые уложились в вашу философию или в вашу физику. Они уподобились алхимикам, что вставляли в формулу вещество, не зная толком об его действительных свойствах и природе.

– Наши алхимики, насколько я знаю, разработали математическую модель проникновения через пространство и время. Они не правы?

– Эта модель – детский рисунок рядом с полотном Рембрандта. Согласно ей каждый ваш переход сопровождался бы чем–то вроде термоядерного взрыва или поглощением сравнительного с ним объёма энергии. Но вы порхали как мотылёк, а мир не содрогался от катаклизмов.

– Возможно, эти бомбы рвались в каком–нибудь другом мире или в недрах звёзд за сотню световых лет от Земли, – предположил я.

– Возможно, – буркнул он.

Под напором моего упрямства, или тупости, как возможно считал гоблин, его невозмутимость начала давать трещинки. Если я хотел затянуть разговор, мне следовало проявить сдержанность. А так собеседник счёл за лучшее закруглиться.

– Собственно я встретился с вами не для пустой болтовни, а чтобы предостеречь об опасности, – сказал он.

– Благодетели, чтоб вам провалиться! О динозаврах вы предостеречь не посчитали нужным, а теперь, когда я почти что добрался до дома, вдруг решили проявить гуманизм?

– Вы не доберётесь до дому, – спокойно сказал он, проигнорировав ругань.

– Как так? – я почувствовал себя неуютно, будто что–то упёрлось между лопаток. Что-то смахивающее на остриё ножа.

– Вам кое-что следует знать о путешествиях во времени. Просто затем, чтобы выжить.

От его спокойных слов повеяло могильным холодом.

– Если вы хотели меня напугать, то вам это удалось, – произнёс я.

Возможно, мне тогда повезло. Потому что люди сидящие возле костра оказались вовсе не детьми, сбежавшими из дома в поисках приключений, не рыбаками, коротающими время перед рассветом и не туристами. Они оказались дикарями, а реакцию первобытных людей на чужака, тем более на внезапное его появление среди ночи, предсказать сложно. Но можно, однако, предположить, что таковое появление не будет воспринято равнодушно. Они могли принять меня за демона, за представителя враждебного племени и, как следствие, стрельнуть из лука или тукнуть по голове топориком. Однако на моё счастье дикари вообще не заметили прибавки в народонаселении окрестных лесов, а я, причалив убогое плавсредство подальше от костра, не спешил завязывать новые знакомства. Несмотря на ликование, вызванное удачной попыткой побега, несмотря на желание обнять первого встречного сапиенса, осторожность взяла верх.

Их было трое. Трое охотников или разведчиков, что прибыли в лодке на этот берег озера. Их стоянка мало походила на постоянное поселение. Минимум вещей, никаких построек, детей или женщин. На протяжении следующего дня я наблюдал за ними издали. Разделяющий нас глубокий овраг создавал иллюзию безопасности, впрочем, троица дикарей даже не помышляла о мерах против вражеских лазутчиков. Скорее они были всё же охотниками, ибо вели себя без должной для военных разведчиков осторожности.

Их (относительная, конечно) беспечность натолкнула меня на мысль о замене транспорта. Плот нуждался в постоянном ремонте и вообще был неудобен в эксплуатации. Возможно, его неповоротливость и медлительность стала одной из причин прежних неудач. Ведь движение являлось краеугольным камнем моих переходов. Иное дело лёгкая быстроходная лодка. Вроде той, изготовленной из кож и деревянного каркаса, что лежала возле костра.

Соблазн оказался слишком велик и перевесил осторожность. Всё же после жизни среди динозавров чувство опасности малость притупилось. Когда следующим утром охотники углубились в лес, я, переборов страх, перебрался через овраг и стащил лодку. Трофеями так же стала куртка и пара уже подпорченных птичьих тушек. Куртку я прихватил осознанно, поскольку в пуховике чувствовал себя словно в сауне, но и ходить в футболке погода не позволяла, а вот зачем мне понадобилась протухшая дичь, ума не приложу.

Сделав воровской набег, я поспешил убраться подальше. Опыт байдарочных походов далёкой юности помог совладать с лодкой и скоро её нос уткнулся в противоположенный берег озера. Но, слиняв с места преступления, я вовсе не почувствовал себя в безопасности. Кто бы ни были эти люди, они наверняка знают здесь каждую тропку и, даже не имея запасной лодки, могут рано или поздно добраться до меня. А ведь где-то неподалёку обитало и всё их племя.

Следовало предпринять новый бросок через время. Но сказать проще чем сделать. Похоже, я израсходовал все более или менее сносные идеи ещё в юрском периоде. Трюк с костром второй раз вряд ли сработает, да и неизвестно куда может занести столь абстрактный образ. Ваять на берегу песочные скульптуры рискованно – их увидят охотники или их соплеменники. Пришлось вновь заняться воображаемыми набережными, уповая, что подвижность лодки усилит эффект.

Расчёт, однако, не оправдался.

Рискуя оказаться в утлой лодочке среди хаоса прибоя, я попытал счастья с приморскими ландшафтами. Не так уж много их отложилось в памяти в нужном ракурсе. Большинство я запомнил лишь с суши, а сейчас требовался вид с моря. Всё же я воспроизвёл в памяти статую Свободы, мост Золотые Ворота, Опера Хауз в Сиднее, Статую Христа Искупителя в Рио, даже одесский морской вокзал. Напрасная трата сил. Я просто вытаскивал один безвыигрышный билет за другим.

Меня и без того одолевал страх, а когда с противоположенного берега слышались крики, состояние устремилось к паническому. Охотники обнаружили пропажу, а возможно уже разглядели и похитителя. Возмездие стало вопросом времени. Вопросом времени, в несколько ином значении, было и спасение. Мысли комкались, точно листы бумаги в руках мучимого творчеством поэта. Глаза лихорадочно обшаривали чужой пейзаж в поисках хоть какого-нибудь намёка, визуальной зацепки.

В другой обстановке я отдал бы должное красоте здешних мест. Начиналась осень. Та её пора, что называется у нас бабьим летом, а за океаном – летом индейским; пора, когда воздух насыщен успокоением, но ещё не отравлен увяданием, а краски смерти только начинают проступать на зелени леса.

Маленький листик, первый вестник конца природного цикла, сорвался с нависающей над озером ветки и спланировал на воду. Тут-то меня и озарило. Обычный кленовый лист стал астральным собратом яблока, что выбило искру мысли из головы Ньютона.

До сих пор я искал прямой и короткий путь к дому. Возвращение стало идеей—фикс, тогда как сейчас мне нужно было просто убратъся с глаз рассерженных дикарей. А для этого воображение не нуждалось в следах человеческой деятельности, монументальных сооружений из гранита или бетона. Природа сама меняется от сезона к сезону, причём меняется предсказуемо. Пройдёт некоторое время и деревья, что сейчас готовятся сбросить листья, заснут, а потом пробудятся от спячки. На этих же самых ветвях появится молодая поросль, воздух обретёт свежесть, а тишину сменит шум талой воды. Я оттолкнулся от берега, шевельнул веслом и пробил время.

После гигантского скачка, поглотившего пропасть между динозаврами и людьми, пробираться дальше получалось только мелкими шажками.

Поначалу, двигаясь на «одолженной» лодке вдоль берега, приходилось мысленно прорисовывать цель перехода в мельчайших деталях. Чтобы очутиться в осени, я представлял прелый дух, запах грибов, разноцветные кроны деревьев, усыпанную палыми листьями поверхность озера. Затем комплект ассоциаций менялся на весенний. Но постепенно темпоральные прыжки стали происходить без особого напряжения разума, стоило только принять решение. Так тренированная память со временем перестаёт распознавать отдельные элементы, воспринимая увиденное целиком.

Время утратило единую сущность, разделилось на два потока. Какая—то его часть стала тропой через историю мира, другая отмечала вешками мою собственную жизнь. День стал отрезком времени между пробуждением и следующим сном, а тот, что длится от рассвета до заката, попросту перестал существовать для меня.

Скачки следовали за скачками. Двух—трёх гребков обычно хватало, чтобы сменить сезон. За день изматывающих заплывов между осенью и весной, я отыгрывал у времени век. Тысячелетие за десять дней. А сколько их ещё оставалось этих тысячелетий?

Хороший вопрос. Я предполагал, что находился на Североамериканском континенте, куда меня загнали перед самой высылкой в юрский период. По крайней мере, сам я не пытался менять координаты пространства. В таком случае мне повезло, ведь Америка заселена человеком сравнительно поздно, за каких—то сто веков до первых гостей из Европы, если я правильно помнил подсчёты учёных. Возможно, этих веков было двести, а то и все четыреста — учёные никогда не сходились во мнениях. Но даже сорок тысяч лет совсем не то же самое, что сорок миллионов. Три нолика можно было смело зачёркивать.

Я не заметил, когда озеро превратился в широкую реку. Сперва просто почувствовал сопротивление мощного течения и только потом, спустя десяток прыжков, обратил внимание на изменившийся ландшафт. Не знаю, оказалось ли озеро на пути нового русла реки, или один из скачков перенёс меня в другой водоём. Так или иначе, путешествие продолжилось по реке времени.

Тяжёлая нудная работа. Веслом натёрло мозоли, мышцы жгло огнём, а, кроме того, две сотни переходов в день вызывали сильнейшую головную боль. Возможно, сказывалась разница в атмосферном давлении. Частые его перепады терзали сосуды, а потому, пришлось установить лимит. При большей нагрузке я бы просто не смог заснуть от боли, или получил бы кровоизлияние.

Люди больше не попадались, хотя однажды, перескочив через время, я вдруг обнаружил торчащую в борту стрелу. Кто—то, похоже, успел выстрелить в промелькнувшую на короткий миг лодку. Сперва я перепугался, подумав, что меня выследили индейцы, у которых я увёл лодку. Потом рассмеялся над собственной глупостью. Как—то сразу не пришло в голову, что те охотники давно умерли, и даже праха не осталось от них.

Я не оставлял попыток прорваться в более знакомую эпоху и местность. Время от времени воображал порты, плотины, маяки. Но тщетно. Приходилось и дальше выбираться из глу-

бины веков мелкими полугодовыми шажками. Наверное, уже отцвели первые цивилизации, распяли Христа и варвары погуляли на развалинах Рима. Правда, я не мог быть уверен ни в чём. Спросить который теперь год было просто не у кого. Возможно, какие—то рывки уносили меня дальше, чем на сезон, а возможно я неделями топтался на месте.

Понемногу ладони огрубели, спина окрепла, а мышцы обрели мощь. Но организм истощился до предела. Казённая еда поставляла ему необходимые калории, однако гоблины вряд ли рассчитывали на марафонский заплыв. Кроме того, не хватало тепла. Я начинал замерзать даже в пуховике. Развести костёр было нечем, а погода весенняя она или осенняя, отличалась холодом и сыростью.

Всё закончилось плачевно. Лёгкое недомогание, отмеченное «с утра» обыкновенным насморком, «к вечеру» переросло в настоящую лихорадку. Озноб сменялся жаром. Тело то колотило, то бросало в пекло. Едва сумев вытащить на берег лодку, я нашёл какую—то яму. Забрался туда и завалил себя листьями – ночные заморозки могли доконать меня.

Почти сутки организм боролся с болезнью, а потом уступил. Дальнейшие воспоминания изъедены провалами памяти. Мне мерещились гоблины, которые собрались в Диснейленде на открытии нового аттракциона под названием «Дикая охота». Мерещились динозавры, отчего—то разумные, обсуждающие вслух проблемы вкусовых качеств высших приматов. В моменты относительного просветления я жутко боялся, что индейцы выследят меня и накажут за кражу лодки. Не помню, принимал ли я пищу, выбирался ли из ямы по нужде.

Потом я очнулся. Обессиленный, но здоровый. Рукой нащупал рюкзачок, взглядом – лежащую рядом лодку. Проверив пистолет под курткой, совсем успокоился. Перед носом, как по волшебству, появился поднос с едой. Я осознал, что здорово проголодался.

Ещё несколько дней я не решался возобновить скачку. Размышлял, набирался сил. И только почувствовав себя в норме, продолжил путь по реке времени.

Я так и не узнал, что за река послужила дорогой к дому. Наверное, так и плыл бы по ней до открытия регулярных паромных линий. Но очередная, абсолютно дежурная попытка пробиться через время с помощью воображаемых пейзажей, неожиданно привела к успеху. Лодка оказалась на реке Великой в виду псковского кремля.

Родным домом назвать увиденное было, конечно, сложно. На картинке отсутствовали автомобили, многоэтажки, провода и ещё целая куча мелочей, что определяют эпоху. Но результат всё равно превосходил прежние достижения. Воодушевлённый им я попытался перескочить дальше, хотя бы к кремлю московскому конца двадцатого века. Нет, не вышло.

Потому, выбрав местечко в сторонке от грозных стен, я направил каноэ к берегу.

Глава третья. Правила игры

– Вы что же, так и не отведаете здешней кухни? – спросил я собеседника.

Он взглянул на миску, потом на меня. Секунду назад я выглядел испуганно, а теперь опять ухмылялся. Такой уж я парень. Всё-то мне нипочём.

– Так вот, домой вы не вернётесь, – гоблин принял мою игру, в его голосе появилось веселье. – Да, вы наверняка пытались это проделать, верно? Дайте—ка подумать... Карту звёздного неба и движение светил вы вряд ли знаете столь детально, чтобы оперировать хотя бы столетиями. Магнитное поле вашим органам чувств не уловить. То же с радиационным фоном и химическим составом атмосферы, хотя... тут есть зацепка. Запахи? Возможно, если поиграть на ассоциациях. Только на каких? Готов поспорить, пробовали с бензиновыми выхлопами?

– Не угадали. Я работал с визуальными ассоциациями. Речные набережные, приморские ландшафты. Памятник затопленным кораблям в Севастополе, собор Святого семейства в Барселоне, статуя Свободы в Нью—Йорке и всё в таком духе.

– Вот как? Собор слишком долго строили, а Леди Либерти, пожалуй, могла бы сработать. Вот только один из ваших прадедов родился чуть раньше, чем её установили.

– Причём здесь мой прадед? – удивился я.

Гоблин стал чуть более серьёзен.

– Выдворение в юрский период было в некотором роде импровизацией, – сказал он. – Вы заставили наших людей побегать, и у нас не осталось иного выхода, как попросту выбросить вас в прошлое. Кое—кто предлагал завербоватьмышлёного паренька, но начальство решило иначе. Посчитало объект слишком непредсказуемым для специфики нашей работы.

Однако вы проявили сноровку и выбрались из ссылки. А поскольку уничтожать вас мы не желаем, как не желаем и брать ответственность за случайную гибель, то считаем себя обязанными предупредить о некоторых особенностях ситуации. Я бы сделал это и раньше, но вы слишком шустро перемещались. Только теперь, когда питание несколько раз подряд поступило в одно и то же место, мы смогли встретиться.

– Чёрта с два! – возразил я. – Не так давно мне пришлось изрядное время поваляться с температурой. Ваша пайка доходила исправно, но сами вы что—то не спешили навестить больного.

– По ряду причин, я не смог появиться там, – он не извинялся, просто доводил до сведения. – Но на самом деле вам ничего не угрожало. Организм без труда одолел простуду.

– Да ну? – наигранно удивился я. – Ладно, проехали. Так причём же здесь мой прадед?

– Дойдём и до него. Так вот. Вы довольно ловко для дилетанта взбирались из прошлого, но впереди вас ожидает непреодолимый барьер.

– Барьер?

– Да. И этот барьер отделяет вас, условно говоря, от начала живой традиции. От трёх поколений предков, встреча с которыми может привести слишком серьёзные возмущения в систему. Самый старший из ваших прадедов родился в тысяча восемьсот восемьдесят втором году. Считайте этот год чертой, за которую вы не можете переступить.

– Бред! Какая тут к бесам живая традиция? Оба моих деда сгинули в генеральских забавах сорок второго года, не оставив ни писем, ни фотографий, ни орденов, а прадедов я и вовсе знаю только по именам, которые без лишних затей вывел из отчеств дедов и бабок.

– Вы вполне могли сделать её живой, если бы добрались. Но суть не в этом. В большинстве случаев попытки возвращения будут просто безрезультатными, подобно прежним вашим экспериментам с набережными. Однако вы показали отменные способности обходить преграды, и не исключено, что рано ли поздно вашей интуиции удастся нащупать лазейку. Так вот в этом случае вы, скорее всего, погибните.

Он замолчал, напустив на себя скорбный вид, словно уже стоял перед гробом. Мне тоже стало не по себе. Не очень приятное ощущение, когда вдруг осознаёшь, что до сих пор прогуливался по минному полю.

– Понимаю, – кивнул я. – Стало быть, ваша контора нечто вроде полиции времени? И там, на означенном рубеже меня ожидает проволока под током и надпись «Каждому своё» на воротах?

– Примерно так, – его ничуть не тронули намёки. – Только мы никакая не полиция, мы вообще чаще наблюдаем, изучаем, чем действуем. Время достаточно мощная система, чтобы нуждаться в чьей—то защите. Оно способно само защитить себя.

– А вот вы, вы сами тоже поселитесь в прошлом или всё же собираетесь вернуться? – ехидно заметил я. – Или ваши прадеды никогда не рождались? Стоп! Кажется, догадываюсь. Вы из будущего, если считать моими мерками. И находитесь в такой же ссылке, что и я, только вдобавок ищачите на контору. Оказались достаточно предсказуемы для специфики её работы?

Он оставил мои догадки без комментариев.

– Существует ещё одно ограничение. Не пытайтесь вернуться в прошлое. Даже на день, даже на час. Тут нет особого риска для жизни, просто вас вынесет обратно в юрский период, а то и куда подальше, и вырваться оттуда будет гораздо сложнее, чем в первый раз. Так что мотаться туда—сюда, узнавая детали и имея возможность на них повлиять, не получится. Это слишком опасно для такой тонкой структуры как время. Оно не потерпит попыток перекроить себя.

До сих пор я карабкался по пролётам веков и ступенькам лет только вверх. Или вперёд. Возвращаться не приходило в голову. Оказывается, это ещё и рискованно. Но что—то в словах посланца таинственной конторы меня настораживало. Время! Он рассуждал о нём как—то странно. То представлял мощной системой, какую и лбом не прошибёшь, то тонкой структурой, которая поддастся, ткни только пальцем. Нет, правда, человек может разбить сады на месте пустыни, но способен ли он перекроить пространство как таковое? А время?

– Знаете, мне показалось, что вы говорите не о времени, а об истории. Это на неё можно повлиять, обладая знанием будущего, но время нечто нейтральное, оно лишь носитель информации, а не сама информация.

– Вы так полагаете оттого, что по—прежнему относитесь ко времени как к измерению. На самом деле все сложные системы взаимосвязаны.

– Ну, так объясните. Что вы, в конце концов, теряете?

– Как же вам объяснить, если вы не владеете нашим понятийным аппаратом. Эту теорию, если переложить её на вашу математику, мог бы, наверное, понять Эйнштейн, Тесла и дюжина людей им подобных. Не больше. В той же степени, в какой люди понимали их собственные теории.

– Воспользуйтесь аналогией.

Гость усмехнулся.

– Аналогии весьма зыбкий путь познания. Они приводят к ложным интерпретациям.

Его интонации показались мне чересчур менторскими.

– Зато аналогии упрощают понимание, – возразил я.

– Слишком упрощают. Метафора хороша в литературе, художественный текст она украшает, а когда украшают аналогиями науку, эта последняя превращается в эссеистику, а то и в профанацию. Лучше я воспользуюсь примером. Поймёте или нет суть важно. В конце концов, вам это и не нужно.

Гибель динозавров, которую вы считаете грандиозной катастрофой, была всего лишь собственной проблемой эволюции, как и кислородная катастрофа сине—зелёных бактерий, и эволюция проблему решила в присущей ей жестокой манере. А вот события на первый взгляд куда меньшие по масштабам способны потрясти всю систему в целом, ибо выходят за рамки

одной составляющей. Вы, может быть, слышали о парадоксе, когда по так называемому Берингову Мосту в Америку из Азии перебрались люди, крупные млекопитающие, птицы, растения, пресноводные рыбы, кто угодно, но только не насекомые?

– Никогда не слышал.

– Поверьте на слово. Так вот, переселение насекомых и являлось неким слабым звеном системы. Оно приводило к слишком большому возмущению. Не только экосистемы, но вообще системы времени—пространства. А она стремится к равновесию, и достигает его самыми разнообразными средствами. В упомянутом случае вмешательства не потребовалось, природа создала своеобразный фильтр и азиатские насекомые плейстоцена не переселились в Америку.

– И чем они могли грозить, эти ваши полчища насекомых?

Я улыбнулся, вспомнив как давил «бабочек Бредбери».

– Вычислить подобное трудно, так как цепь взаимосвязанных событий длинна. Чем угодно могли грозить, например, вспышкой сверхновой.

– Астрология какая—то, – фыркнул я.

– Астрология – одна из ранних интуитивных догадок. Правда, её сильно исказили последователи. Ведь люди влияют на звёзды ничуть не меньше, чем звёзды на людей.

– Хм.

Мы помолчали.

– Кстати об истории, – сказал он. – Хочу дать один совет... скажем так, от себя. Не пытайтесь изменить её ход. Я знаю, у мальчишек—идеалистов вроде вас руки чешутся. Дай им что—нибудь перекроить в прошлом. Выйти с «Шилкой» против орды, или на атомном авианосце против убогих японских торпедоносцев. Покрошить негодяев в капусту.

– У меня нет авианосца, – заметил я. – Даже «Шилки» нет.

Рука предательски дёрнулась, чтобы проверить пистолет.

– Неважно. Главное не то, что есть на руках, а то, что шевелится в голове. Политический проект – любимая игрушка мужчин. А путешествие во времени позволяет реализовать самые крутые амбиции. Вернее создаёт иллюзию такой возможности.

– Ага. Тоже колючая проволока? Опасаетесь возникновения какой—нибудь чёрной дыры или просто блюдёте геополитическое равновесие?

– Мой совет касается не ваших желаний, и не ваших возможностей. Мы, конечно, приглядываем за так сказать сильными времени сего и за их окружением. И серьёзное вмешательство, которое угрожает космическим или экологическим катаклизмом, всегда готовы пресечь. Но я посоветовал вам не лезть в исторический процесс, чтобы голову не сложить раньше времени.

– Я, знаете ли, сам никуда не лез. Это вы меня пропихнули в прошлое. Не забыли? Пойдите—ка. Только что вы утверждали, будто такая мощная система сама справится с любым вмешательством. Чего же тогда пресекать?

– Всё просто. Большинство проблем решаются на «локальном» уровне. У Вселенной свои заботы, у эволюции свои, а кому, как не людям, снимать проблемы, так сказать, исторического характера.

– Однако вы заставили меня задуматься, – осторожно заметил я. – Хм. Слушайте, ведь моё пребывание здесь само по себе влияет на ход истории, или нет? Вы что же, предлагаете мне стать холопом, записаться в крепостные крестьяне и остаток жизни пахать на барина? Просто, чтобы народ не смущать? В таком случае лучше верните меня к динозаврам.

– Боже упаси! – улыбнулся собеседник. – Я же вам объясняю. Отдельному авантюристу пробиться на уровень, с которого можно влиять на ход истории, практически невозможно. Чтобы поколебать инерцию социума нужно сидеть на троне или, по крайней мере, рядом с ним. Причём сидеть долго и напряжённо работать, рискуя получить от оппонентов яд в кубок или клинок в спину. А в иные времена и короны на голове недостаточно. Вы обладаете общими

сведениями о прошлом вот и пользуйтесь на здоровье или вернее сказать себе на корысть. Но конкретные знания обрывочны и не системны. С помощью них вы всё равно не сможете ничего изменить. Подумайте сами. Паровую машину вам не соорудить, двигатель внутреннего сгорания тем более. Но даже обладая вы нужными знаниями, инерция социума будет препятствовать любым попыткам. Пока общество не готово воспринять новацию, вы обречены.

Я вовсе не собирался потрясать мироздание, но мне почему—то захотелось заспорить, мол, ещё поглядим...

Возразить не получилось. Ухо, перестав стучать топором, направился в дом, и собеседник поднялся из—за стола.

— За сим, желаю удачи! — сказал он. — Надеюсь, нам не придётся встречаться снова. Ибо это означало бы, что вы перешли рамки дозволенного.

Мне захотелось остановить его. Ещё о многом хотелось спросить, да хотя бы просто поговорить с человеком, с которым можно поговорить. Но гордость наступила на горло. Я промолчал.

Когда гость ушёл — не растворился в воздухе демоном, но проволочился собственными ногами до выхода — на меня сперва накатила тоска, но скоро она сменилась злостью пополам с азартом. У меня возникло желание нахулиганить. Поменять местами какие—нибудь артефакты, пробраться в монастырь и напутать летописные даты, попросить у хозяина ночлежки бумаги, чернил и закопать во дворе бутылку с письмом «Вам в коммунистическое далеко...». Все эти безумства промелькнули в сознании грозowymi разрядами. Но затем, вдохнув воображаемого озона, я успокоился. И задумался.

Проклятье! Гоблин нагромоздил столько противоречий, что мозги вскипели, отказываясь осмысливать информацию. Почти каждая следующая его фраза дезавуировала предыдущую. Не имея возможности уследить за всеми зигзагами по ходу беседы, я сделал несколько воображаемых закладок. В тех местах разговора, над которыми решил подумать как—нибудь позже.

Прежде всего, следовало обмозговать категорический запрет на возвращение. Как ни странно сам по себе запрет меня озаботил мало. За последние несколько миллионов лет я уже не раз смирялся с мыслью, что останусь в чужом времени навсегда. Тоска об утраченном доме оказалась не слишком сильной. Кто меня ждал там? Родители, которых я не видел по нескольку лет? Подружки, имена которых я забывал уже через неделю? Собеседники на сетевых форумах, скрывающие личность за никнеймами и выдумками? Всё это было скорее контекстом, нежели тем, ради чего стоит рисковать жизнью. С другой стороны контекст имел значение. Я привык к нему. И ещё — я не любил запреты. Кто они такие, эти шастающие по времени гоблины, чтобы указывать мне место? Короче говоря, проблема возвращения стоила тщательного рассмотрения.

Вопрос в том, сказал ли гоблин правду или это уловка, чтобы не допустить меня до родных времён. Положа руку на сердце, я не поверил до конца в невозможность возвращения. Я вообще брал под сомнение каждое слово гоблина. Он враг и если снизошёл до объяснений, значит, преследовал собственные цели. Так что вполне мог наврать и про барьер, и про живую традицию, лишь бы удержать меня от попыток побега. Он врал как сивый мерин, а изложенная им концепция мироустройства выглядела бредом сивой кобылы. Между мерином и кобылой скрывались, однако, недоступные пониманию нюансы.

Но, допустим, гоблин сказал правду — ведь мне и впрямь не удалось пробить время с помощью пресловутых набережных. Допустим, он сказал правду и за порогом восьмидесятих годов девятнадцатого века меня ждёт старуха с косой. Что в таком случае следует делать? Ответ напрашивался сам собой — найти местечко и времечко поуютней, где и коротать остаток дней.

Таких местечек в ассортименте оказалось немного. Человек конца двадцатого века плохо подходит для жизни в средневековье.

Лучше всего подобраться поближе к запретному порогу и устроиться где—нибудь во второй половине девятнадцатого века. Пусть ещё нет электричества, автомобилей, но жить с минимальным комфортом можно вполне. Я не сомневался, что найду, как заработать на хлеб. Контрабанда существовала всегда, а в эпоху, когда точки на карте мира соединяли не очень надёжные и крайне медлительные средства транспорта, она приносила ещё большую прибыль. Кроме того, я мог бы неплохо заработать на антиквариате. Прихватить с собой отсюда какие—нибудь рукописи, книги, подсвечники, или что там будет в цене?

А вот ещё любопытный вопрос – что если я пересеку границу «своим ходом», то есть, пустив корни в девятнадцатом веке, переползу вместе со всем человечеством запретный рубеж? Идея показалась мне изящной и достойной внимания. Одно плохо – проверить её можно только экспериментальным путём, где неудача слишком дорого стоит.

Существовал ещё один нюанс. Между доступным мне концом девятнадцатого века и началом шестнадцатого, где я находился теперь, покоятся огромные залежи исторических событий. Возврата уже не будет, он мне запрещён «правилом номер два», а упущенные возможности станут глотать меня точно призраки жертв убийцу. В конце концов, на пенсию, то есть в девятнадцатый век, я всегда успею уйти.

Но больше всего меня заинтриговали предостережения. Все они слишком уж походили на правила некоей игры. А натура моя такова, что, усвоив правила, я волей неволей желаю попробовать сыграть кон другой на удачу. Если бы путь домой остался свободен, я бы тысячу раз подумал. Я не великий любитель лезть на рожон. Но дорогу мне перекрыли, а прозябать остаток жизни в дремучих веках не хотелось.

После визита гоблина прошёл всего день, а игра уже захватила меня. Зря он это сказал, про переделку истории. До сих пор у меня и в мыслях не было ничего такого... да, порой возникало желание что—то увидеть, стянуть какой—нибудь артефакт. Не более того.

Но так уж сложилось – моя свободолюбивая натура противилась чужой воле. Всю сознательную жизнь я только тем и занимался, что преодолевал границы и запреты. Конечно, мне тут же захотелось перелицевать историю. Раскурочить, хакнуть систему, какой бы природы она ни была. Выехать на «Шилке» навстречу орде...

Тьфу ты, пропасть!

Но в одном гоблин был прав – человек даже обладающий знаниями ничего не может сделать сам по себе. Общество инертно. Усилия одиночки поглощаются массой. А те периоды, что называются революционной ситуацией, сметают одиночку потоком. Болото или лавина – вот две сущности исторического процесса, и в обеих отдельному человеку придётся туго. Роль личности в истории может и не пустая выдумка, но таковая личность как минимум должна отираться рядом с троном, а лучше восседать на нём. Что мне собственно и запретили делать. Да и не подойдёшь же к монарху со списком полезных преобразований. Мигом в крепости окажешься, а то и на виселице.

Пётр Великий, говорят, приближал активных и мыслящих людей из простонародья. Но это так сказать фольклор. Табачный капитан, арап Ибрагим и всё такое. Как оно было на самом деле никто не знает, возможно, первый император дурил и рубил головы вместе с бородами исключительно под настроение. Рисковать было бы глупо, да и правила игры уже укоренились во мне. Если бы это был только запрет, я бы начхал на него, но тюремщики подобрали верный ключик. Правила игры – совсем не то же самое, что тюремный режим.

Однако садиться за стол с шулерами? Увольте.

Мне объяснили правила, сдали на руки четырёх королей с джокером и ждут, когда я поставлю на кон душу. Но я сказал «пас» и равнодушно сбросил карты. Пусть попробуют сдать ещё разок. А тем временем я подумаю.

Глава четвёртая. Ярмарка

Сказка про козлёнка, который умел считать до десяти, вовсе не сказка, а басня. Деткам не понять, отчего вдруг милые зверушки так взъелись на грамотея. Этого не понять и взрослым, пока они не столкнутся нос к носу с податной системой. Изобретение налогов перевело власть из разряда хищников в разряд паразитов, если вообще не сотворило эту общественную конструкцию. Тихо потягивать людскую кровушку куда логичнее и проще, чем каждый раз отбирать добро с боем, уничтожая в соответствии с учением о естественном отборе больных и слабых противников и тем самым, согласно того же учения, укрепляя породу мятежников. Паразитизм – вершина эволюции, чтобы там не говорили биологи.

В Российской империи таким учёным козлёнком стал Пётр Великий. Он посчитал людей, желая заставить их платить подушный налог и поставлять рекрутов в армию. Мне не привыкать к прелестям государства, я успел пожить в различных его разновидностях, а в те времена из коих меня вытурили, налоговые ставки Петра могли вызвать разве что смех. Однако перепись населения имела ещё одно следствие, касающееся меня напрямую. Не проявив должного понимания к начинаниям Петра, народ принялся расползаться по глухим углам, и в целях его, народа, отлова власть прибегла к тотальному контролю и паспортному режиму.

Я имел на руках целых два паспорта. Один фальшивый, купленный у турков в Берлине, другой подлинный российский. Оба они только прибавили бы хлопот, предъяви я их местным стражам порядка. Потому, выныривая из реки времени, я выбрал местечко удобное, как для того, чтобы избежать лишнего внимания властей, так и для решения некоторых насущных проблем, первой среди которых была легализация.

Я рассудил так: коль уж существует государство, то оно что—нибудь ограничивает, запрещает, а где есть ограничения и запреты, там всегда найдётся место чёрному рынку. Разумеется, подобные места не значатся в путеводителях или на информационных щитах. Но опытному контрабандисту не составит труда разыскать коллег. Во все времена и во всех странах искать подпольный рынок следует рядом с рынком обычным.

А из обычных торжищ на ум в первую очередь приходила легендарная Макарьевская ярмарка.

Грести до Лыскова пришлось издалека. Мне удалось выскочить в среднем течении Суры, где в школьные мы с приятелями устраивали байдарочные походы, маскируя сим благообразным термином весёлые пикники с портвейном, одноклассниками, гитарой и прочими нехитрыми радостями жизни. Здешний ландшафт я хорошо помнил, причём помнил как раз в нужном ракурсе, а некоторые пейзажи, как выяснилось, дошли до наших дней почти нетронутыми.

Родные с детства виды едва не спровоцировали попытку нарушить запрет, но глубоко вздохнув и смахнув скупую мужскую слезу, я отправился в путь.

Макарьевская ярмарка каждое лето устраивалась возле одноимённого монастыря. Вообще—то такое название несколько коробило слух. Вроде как рюмочную именем Сергия Радонежского назвать. Но церковные власти полагали иначе. И не только полагали, как вскоре выяснилось.

Братия превратила торжище в доходный бизнес. Как подлинные хозяева жизни монахи ходили по торговым рядам, по—доброму улыбаясь купцам. Ещё бы, ведь им не приходилось выкручивать торговцам руки и ставить утюги на пузо несговорчивых клиентов. Богатство само плыло в руки. Даже когда правительство отобрало у обители право на десятую часть дохода, она зарабатывала на сдаче в аренду балаганов, сараев, на плате за хранение товаров в период между съездами.

Чёрные рынки похожи один на другой. Уж я—то повидал их, пока промышлял контрабандой. У людей, зарабатывающих на жизнь нелегальным товаром, глаз намётан. Всякий слоняющийся без дела, но держащийся в тени человек – потенциальный клиент. Стоит потолкаться среди зевак и к тебе обязательно подойдут с вопросом: «Не надо ли чего?». И какая бы просьба ни прозвучала в ответ, ей не удивятся и, скорее всего, найдут возможность помочь. Конечно, существует опасность нарваться на копа, но того всегда можно вычислить по сочувственным и одновременно выведывающим вопросам. Мол, что, братишка, в бегах? Нелегко пришлось? Профессиональный преступник не станет лезть в душу клиента, разве что уточнит, какого рода требуется услуга и обговорит цену. Ну а уж если никто из коллег не клюнет, всегда можно поискать цыган. Этот народ себе на уме. Он презирает чужую власть и за вознаграждение всегда готов выручить страждущего путника.

Долго отираться в толчее не пришлось. Уже к полудню объявился худощавый парень с лотком, продающий вразнос всякие мелочи. Он спросил, я ответил. Он назвал цену, я согласился, уточнив, что монета будет старая, изклада.

– Да хоть из могилы, – сказал он. – Захочешь, на новую помогу обменять.

Моего знакомого звали Копытом, а как будут звать меня, зависело от исполнения заказа.

На следующий день я поджидал лоточника возле балагана, торгующего сладостями. Зря я такое место выбрал. Один вид здешних леденцов вызывал отвращение. Поддельные восточные лакомства походили на куски оконной замазки или даже чего похуже, если принять во внимание мух, что тучей роились вокруг, ползали по товару, продавцу и покупателям.

К счастью очень скоро на плечо опустилась ладонь. Копыто, не заботясь о конспирации, прямо тут же и протянул «тугомент».

Я слабо представлял, как должно выглядеть удостоверение личности середины восемнадцатого века, не знал толком, какие вообще документы обязан гражданин держать при себе. Подорожную грамоту, паспорт, или что—то в этом роде? Русская литература из школьного курса в этом вопросе обошлась без подробностей. Почти все писатели вышли из дворян, а у них голова болела меньше по этому поводу.

Я сделал вид, что тщательно изучаю бумагу, хотя на самом деле смог разобрать текст лишь через слово. Пришлось положиться на воровскую честность и здравый смысл человека, желающего сохранить бизнес.

Пропускное письмо, как назывался документ, сообщало примерно следующее: Объявитель сего – крестьянин деревеньки Дубки, Черemoжской волости Ярославского уезда Ивашка, Прохоров сын Сафонов – отпущен помещиком Фёдором Александровичем Корнеевым на отхожий промысел по каменщицкому делу сроком от нынешнего числа на один год, то есть будущего семьсот пятьдесят шестого года до марта месяца. А по прошествии вышепоказанного срока онго Сафонов нигде не удерживать, но высылать обратно в Ярославский уезд.

Далее указывался возраст (тридцать два года) и описание внешности: «ростом такой—то, лицом сякой—то, глаза такие—то, волосы сякие—то», из особых примет отмечалось только лёгкое косоглазие. В конце документа сообщалось витиеватое название какой—то канцелярии, печать которой прилагалась к документу. Затем следовали подписи чиновников, помещика и дата выдачи.

Довольно размытая словесная картинка меня устраивала. Небольшую разницу в возрасте скрадывала борода. Косоглазие, если возникнет нужда, можно симитировать (я тут же поупражнялся с этим, вызвав ухмылку Копыта). Прочие черты вроде бы совпадали. Правда на счёт роста нужно будет уточнить, сколько составляют эти самые два аршина и шесть вершков. Не думаю, чтобы разница оказалась большой – лоточник наверняка подбирал бумагу с близкими параметрами, он внимательно осмотрел меня во время первой встречи.

Фотографии на документ, понятно, не клеилась. Не было ни подписи самого Ивашки Сафонова, ни хотя бы отпечатка его пальца. Полицейское государство делало первые робкие

шаги и местных стражей порядка оставалось только пожалеть. Впрочем, они имели гораздо больше свободы по части арестов и допросов, чем вполне компенсировали отсутствие компьютерных баз данных и зияющие провалы в знании таких дисциплин, как судебная медицина или дактилоскопия.

– Ты только на ярманке не особо бумагой размахивай, – остерёг Копыто. – И в волость эту не суйся.

Я вообще не собирался путешествовать с подложными документами, но не хотелось получить явную фальшивку или пропускное письмо мертвеца. Куда пропустят по такому письму, большой вопрос. Не напрямик ли через ворота святого Петра? Но спрашивать о таких деликатных вещах я не рискнул, а потому спросил, будто бы проявив добросердечность.

– А тот мужик, на которого бумага выправлена?

– А что мужик? – удивился лоточник. – Он не пропадёт. Всё равно целый год из монастыря не вылезет. Он ведь там каменщиком подвизается. Монахи здешние нос воротят от тяжёлой работы.

– Ладно, – буркнул я.

Заделаться крепостным крестьянином совсем не то на что я рассчитывал. От одной мысли, что пусть формально, пусть конспирации ради, я буду числиться чьим—то рабом, меня пробирал озноб. Я почувствовал себя северным оленем, на ухе которого выстригают родовой знак, быком, которого прижигают тавром, и твёрдо решил поменять документ на что—то менее унижительное при первом же удобном случае. Но каким бы оно ни было, пока пропускное письмо давало возможность свободного передвижения, а именно к этому я и стремился.

Вспомнив старые добрые времена, я спросил у знакольца, нет ли на здешнем рынке нужды в каком—нибудь товаре, какой привозить запрещается, но который возьмут с удовольствием. Лоточник пожал плечами, но обещал разузнать у своих «вязниковских». Похоже, он и сам промышлял контрабандой, и появление конкурента воспринял кисло.

– Ещё есть одно дельце, – сказал я. – Мне нужно кое—что разузнать о нижегородских купцах.

– Тут я тебе не помощник, – задумчиво произнёс Копыто. – Слухи кое—какие ходят, конечно, на то она и ярманка, но что в них правда, что ложь, сказать не могу. Не особо я с купцами вожусь.

Некоторое время разглядывал с любопытством, словно оценивая возможности залётного рэкетира цапнуть за вымя нижегородскую буржуазию, затем сказал:

– Подскажу к кому в Нижнем обратиться можно. Есть там один трактир, где народ всегда крутится. Работу ищут или нанять кого хотят, новости опять же узнают. Хозяин его среди купцов свой. Ежели подход найдёшь к нему, то много чего расскажет.

Получив лишнюю монету сверх оговоренной платы, Копыто смешался с толпой, а я, уже не таясь, прошёлся по рядам и прикупил кое—чего из одежды. Простонародное платье не слишком подвержено моде, но кое—какие детали за двести пятьдесят лет малость изменились. Кроме того, я решил обзавестись гардеробом, дабы выглядеть не таким босяком. Крепостному, конечно, не пристало ходить в богатом кафтане, но я планировал посетить дома, где ветхое платье могло снизить рейтинг.

Делая покупки, я заметил слежку. Молодой парень с выдающимся носом несколько раз попадался мне на глаза. Его красная рубаха мелькала то там, то тут, вроде бы в стороне, но всегда где—то рядом. Когда я делал покупки, носатый парень останавливался у соседних лавок и прикидывался, будто рассматривает товар. Такой себе обычный топтун, можно сказать классический, только что очки солнцезащитные не носит и воротник к ушам не подтягивает.

Вопрос в том, кому он служит?

Маловероятно, что за слежкой стоит полиция или тайная канцелярия. В восемнадцатом веке их штаты ещё не раздулись до наших грандиозных масштабов. Да и незачем тра-

тить столько сил, приглядывая за мелкой личностью, чтобы проверить какую—нибудь догадку. Гораздо проще подвесить оную мелкую личность на крюк и спросить напрямик. И даже если это окажется не в меру рьяный агент полиции, то волноваться, всё равно не стоило. В этой эпохе за мной пока не значилось преступлений, а от дежурного любопытства меня защищала только что купленная бумага. Показывать её на ярмарке, конечно, рискованно, но один раз должно сработать. А второго раза я ждать не стану.

Хуже, если меня решила потрясти местная мафия. Копыто хоть и выглядел порядочным контрабандистом, мог поделиться с друзьями подозрениями на счёт состоятельного клиента. Слишком уж провокационно звучали мои вопросы, слишком тугим выглядел кошелек. От мафии скрыться сложнее, но и нападать посреди многолюдного торгового рынка она вряд ли решится.

Оставались ещё гоблины. Эти больше раздражали, чем представляли угрозу жизни. За время нашего знакомства, они имели массу возможностей тихонько шлёпнуть меня, но не стали марать руки и репутацию. Так что пусть себе следят, а когда придёт время воплощать замысел, я придумаю, как избавиться от присмотра.

Что я хочу сказать. Никакого шестого чувства не существует. Обычная подозрительность, усиленная замеченной слежкой, осторожность, вызванная чуждой средой, а главное топот ног за спиной – вот и все слагаемые чувства, что заставило меня машинально шагнуть с тропы в сторону. Сильный удар в спину вынудил сделать пробежку. Я почти сумел сохранить равновесие и устоять на ногах, но на последнем шаге споткнулся и повалился в траву. Прежде чем пришла боль, я успел перекатиться и добраться до пистолета. Человек шесть или семь с дубинами, гириками и ножами, неспешно окружали гарантированного, как они полагали, клиента.

Нападение, предпринятое исподтишка, сокращало список подозреваемых. Гоблинов явно можно вычёркивать. Не их стиль. Вряд ли так развлекаются и здешние правоохранительные органы. Ну, то есть парой веков раньше, пожалуй, парой веков позже, тоже не исключено, а вот сейчас вряд ли. Скорее всего, слишком многие на ярмарке увидели мелькнувшее серебро и вопрос для меня теперь только в том, причастен ли к нападению Копыто. Очень бы не хотелось потерять столь ценного кадра. Впрочем, среди разбойников я его не увидел.

Верный «Чезет» не подвёл. Отплатил за заботу. Много миллионов лет я берёг его от непогоды, воды и грязи. Смазывать не смазывал, ибо нечем, но заботился, наверное, лучше, чем о собственной шкуре. Сказались и регулярные упражнения на частных стрельбищах Восточной Европы, которые я проводил ещё в той «мирной» жизни. Правда до сих пор стрелять приходилось только по мишеням. Что ж всё когда—нибудь делаешь в первый раз. Не успев как положено ухватить пистолет, я открыл неприцельную пальбу. Но в упор промазать трудно. Ближайший парень схватился за колено и упал. Второй получил пулю в брюхо, но остался стоять. Третий выстрел пропал, а четвёртый лишь слегка зацепил ещё одного ублюдка. Им хватило и этого. Технологическое преимущество двадцатого века показало себя. Враги побежали. Даже парень с разбитым коленом резво рванул за сообщниками. Надеюсь, у него будет гангрена.

Проклинаю ублюдков и одновременно радуясь, что никого не убил, я, массируя спину, побрёл к лодке.

Псковские каникулы затянулись. Я продолжал вести растительный образ жизни, но с некоторых пор заметил, что хозяин ночлежки присматривается ко мне. Когда я предложил ему купить кое—какие безделушки двадцатого века нашей эры и несколько шкур, датируемых мной навскидку двадцатым веком до нашей эры, Ухо решил, что нашёл кого нужно.

– Эти вещицы издавна, – сказал он, рассматривая ремешки с пластиковыми застёжками, зеркальце и шариковую ручку.

– Угадал, – не стал скрывать я. – Они из—за моря.

– Хочешь заработать? – спросил он напрямик.

- За море сходить? – усмехнулся я.
- Ближе, – сказал Ухо серьёзно. – За озеро.
- И что там найти? – взял я серьёзный тон.
- Там всё уже есть, – теперь усмехнулся и он. – Нужно просто доставить товар сюда.
- Просто доставить? – переспросил я с сомнением в голосе.
- Не просто, – согласился Ухо.
- Тайно?
- Да.

То, что доктор прописал. Кто—то готов платить за риск, а я знаю, как свести риск к нулю. Что ж, я с большой охотой взялся за привычную работу.

Целый месяц, переваливая контрабандный товар через озеро, я размышлял над разговором с гоблином. Замысел вызревал долго. Я обглаживал правила игры, перебирал в памяти исторические события и сопоставлял их с собственными возможностями. Всё больше я склонялся к выводу, что ошибся ещё на уровне постановки вопроса.

Историю я знал как «Отче наш», а из «Отче наш» помнил первую строчку и финальное «аминь». Инвентаризация знаний показала, что я почти ничего не помнил из прочитанного в книгах и учебниках. То есть, конечно, мог бы назвать правителей крупных стран и основные их преступления, мог бы припомнить даты великих битв, войн, бунтов, революций. Но знания достаточные для того, чтобы развернуть бурную деятельность, провернуть хитрую интригу, у меня напрочь отсутствовали. Ни одного исторического события я не знал в деталях.

Главная проблема, однако, заключалась в другом – прежде чем рассчитывать шансы, нужно иметь интерес, а я вдруг понял, что не желаю ничего перекраивать. Ни одно из исторических событий не вызывало у меня досады от упущенных возможностей или ощущения национальной катастрофы. Кровавые войны, закаты цивилизаций, гибель культур и порабощение народов представлялись быть может и печальным, но вполне естественным процессом. Я не видел особых прелестей от замены победителей в битвах и революциях, от прихода к власти того или иного монарха. О собственных возможностях я думал в последнюю очередь. Появилась бы чёткая цель, дело другое. Можно было бы и пасьянс раскладывать. Цель же пока скрывалась в тумане.

Гоблин упоминал о мальчишках идеалистах, которым дай только «Шилку» в качестве точки опоры. Упоминал он и о политическом проекте, как любимой игрушке мужчин. В сущности, что привлекательного в такой перекройке? И если вопрос расширить, зачем вообще людям хочется изменений?

Один молодой, но уже известный среди соотечественников депутат (мы познакомились случайно на французской Ривьере) утверждал, будто власть или деньги для мужчины только средства добиться лучших женщин. Мол, такова человеческая природа, как и вообще природа животных, разделённых на самок и самцов. Я тогда усомнился в его правоте. Сам—то он просто благоухал тестостероном, но я знавал и его коллег, которым давно не было дела до женщин, да и к прочим радостям жизни они уже охладели. Однако эта «старая гвардия» отнюдь не спешила оставить политику или бизнес.

Без сомнения помимо самок людей привлекает могущество. А с древней поры, когда физическая сила отошла на второй план, человеческое могущество воплощается в деньгах и власти. Деньги и власть. Деньги чтобы обрести власть, и власть, чтобы обрести деньги. Потому как по отдельности компоненты могущества работают хуже. Но могущество во имя чего? Просто средство иметь всего и побольше? Это примитив, такой же, как охота за самками. Бесцельно загребать власть так же глупо как копить деньги. Есть, наверное, любители, но большинство предполагает конвертировать могущество во что—то иное. Первое, что пришло в голову товарищу Бендеру, когда он получил миллион от Корейко, это объявить джихад Дании. Видимо глубоко в нас сидит потребность в потрясении основ мироздания.

Человек стремится перестраивать мир под собственный вкус – вот в чём главная фишка. Касается ли это природы или общества или любого доступного фрагмента этого мира. Всё до чего дотянуться руки. Человек желает создать свой мир, или хотя бы мирок, пусть он не выходит за рамки его собственного владения. Творчество, или если угодно демиуржество движет им. А если не удаётся создать или перестроить мир реальный, он предаётся фантазиям.

В детстве многие из нас читали сказки и мечтали о королевстве, о собственном Изумрудном Городе. Затем пропаганда брала своё, и мы мечтали о революции, о высадке со шхуны на вражеский берег и освобождении затюканного колониальным режимом народа. Но опять же о стране, выкроенной по собственному, пусть и привнесённому идеологией вкусу. Но и это время прошло. Когда социализм рухнул, мы уже не мечтали. Возраст не тот, а время требовало энергичных действий, чтобы не остаться на обочине реальной жизни. Впрочем, большинство из нас осталась таки на обочине. Но и мечтать разучилось.

Детство, юность... возможно, кто-то приходит к подобным мечтаниям позже или дольше сохраняет детские мечты. Одни идут в политику, в бизнес, другие читают книжки, погружаются в компьютерные игры или куют мечи с кольчугами. Похоже, гоблин был прав – политический проект прекрасный стимулятор человеческой деятельности. А переделка истории всего лишь фантазия, вроде нарисованного на школьной тетради замка. Фантазия, которая для меня вдруг стала реальностью.

Но в таком случае, зачем же перекраивать историю в пользу какой-нибудь из сторон? А не лучше ли выкроить из этого полотна кусок для себя?

Мысль показалась свежей. Изменив постановку вопроса, я тут же получил массу идей. Ведь когда мы говорим об истории, то, прежде всего, имеем в виду политику, а политика, как известно, вершится в столицах. Между тем мир куда больше столиц, а история гораздо обширнее политики. И запреты (или предостережения) моих тюремщиков имеют за пределами политических центров куда меньшее значение.

Таская мешки с контрабандой в лодку и из лодки, я перебирал в уме исторические площадки, где мог бы сыграть собственную игру. Кое-что из сказанного гоблином подтолкнуло мысль в нужном направлении, а небольшой шторм, разыгравшийся на Псковском озере, довершил формирование идеи.

Нет, не зря я словно магнитофонную плёнку снова и снова прокручивал в памяти разговор с гоблином. Рассказ о парадоксе с Беринговым Мостом придал размышлениям нужный географический вектор. По этому мосту в Америку перебрались первые люди. По нему же, вернее уже не по ледяному настилу, а по скалистым быкам от моста, туда перебрались и последние землепроходцы. Когда уже все лакомые куски планеты нашли своих новых хозяев, северо-западная часть континента оставалась свободной.

Таким образом, в разработку попадал целый исторический пласт, который, что важно, я знал в деталях. Пласт, насыщенный нереализованными возможностями, какие мне в нынешнем положении вполне по силам реализовать. Реализовать и обратить к собственной пользе. И вот что ещё важно – при всём богатстве возможностей эти залежи имели слабое отношение к власти. До сих пор я просто не расценивал покорение Америки, как политическое событие, воспринимал скорее как героическую сагу, повесть о приключениях, географических открытиях. Про путешественников я всегда читал с большей охотой, чем про императоров и полководцев.

Мне приглянулся обширный шматок земной суши, который дольше других не потопчет сапог ни одной из империй, а раз так, то шматок этот с точки зрения цивилизованного человека считался бесхозным. На долгие годы он стал шилом в заднице всякого русского патриота.

Но вовсе не патриотический угар становился двигателем проекта. Эстетика имперской идеи бродила в моём уме в ранней юности, но с тех пор я чуток подрос. Рисковать шкурой ради дворцовой шайки, ради будущих коррупционеров и магнатов? Поднести им на блюдецке

Аляску вместе с биоресурсами, золотом и нефтью? Благодарю покорно. Они всё равно разворуют её или продадут, как это собственно и случилось.

Нет, я думал не об империи. Мне захотелось содрать с мира собственный кусок шкуры и посмотреть на что я способен в качестве скорняка. Я загорелся как старатель, стремящийся застолбить золотоносный участок. Во всём этом было больше игры и азарта, чем политических утопий или переживаний об упущенных возможностях.

Так что, приняв правила, саму игру я слегка изменил.

– Шила из задницы мы изымать не станем, – сказал я вслух. – Лучше поменяем шило на мыло.

Впрочем, дальнейшую ассоциативную цепь я озвучивать постеснялся, хотя на берегу штормового озера был совершенно один.

Несколько дней ушло на то, чтобы уточнить детали. Из глубин памяти всплывали сведения о русской конквисте в Восточном океане. Я вспоминал даты открытий, географические названия, имена людей. Я искал ту силу, примкнув к которой или вернее используя которую, я смог бы повернуть ход истории к собственной пользе.

Оставалась самая малость – взяться за дело. Вот тут—то мной вдруг овладела робость. Я долго не решался начать, откладывал, объясняя самому себе, что сперва должен всё ещё раз как следует продумать, подготовиться. Я мог так тянуть резину до бесконечности, но обстоятельства подтолкнули меня.

В конце концов, наниматели уверовали в счастливую звезду, хранящую и товар и курьера от штормов и таможи. Они поручили мне закупку товара, полагая, что скрыться с монетой я всё равно не смогу – на обоих берегах за маршрутом строго присматривали, а куда можно деться посреди озера?

Контрабандисты жестоко ошиблись.

Глава пятая. Кому на Руси жить хорошо?

От Лысково до Нижнего Новгорода пришлось долго грести против течения. Спина болела после нападения, кроме того, я опасался погони. Но выхода не было – пробить пространство не получилось. Когда цель, наконец, показалась на горизонте, стало понятно, почему именно не получилось. Двадцатый век пребывал за запретной чертой, а Нижний Новгород восемнадцатого века, как выяснилось, я представлял превратно.

Увиденная картинка мало походила на рекламный буклет туристического агентства. Всюду царили грязь и упадок. «Ситуацией прекрасен, но строением мерзок», – оценит его Екатерина Великая дюжину лет спустя. И будет абсолютно права.

Хаотичная деревянная застройка почти не совпадала с позднейшей планировкой. Тот каменный кремль, что в будущем станет визитной карточкой города, выглядел сейчас небольшой цитаделью. Два низких и грубых, но зато куда больших острога прикрывали город с напольной стороны. С двух других сторон его прикрывали Ока и Волга. Набережных, в привычном для меня смысле, не существовало вовсе. Линия берега попросту терялась среди сотен всяческих лодок, кораблей и барж, скопление которых плавно перерастало в нагромождение складов, верфей и причалов. Железобетон ещё не скоро придаст набережным резкие очертания.

Дополнительные стены и ворота смутили меня не только изменением пейзажа. Они означали полицейский контроль. Однако на нижний посад можно было высадиться с реки, не привлекая внимания. В этом смысле архитектурный хаос сыграл мне на руку.

Правда с парковкой возникла проблема. Меня довольно грубо отогнали от нескольких причалов, которые оказались частными владениями. Сообщать, где тут расположены общественные пристани, охранники посчитали излишним. Наконец, удалось договориться с каким-то мальцом. За полушку он согласился приглядеть за лодкой. Вспомнив амстердамские велосипеды, я засомневался, что пацан собирался сдержать обещание, но выбирать не приходилось. Привязав лодку к свинке, я выбрался на берег.

Постоялый двор, вроде псковского, меня не устраивал, а настоящих гостиниц здесь ещё не завели, как впрочем, и во всех остальных городах империи, кроме разве что морских портов, и приезжающий по делам человек останавливался обычно у своих контрагентов, друзей или родственников. Я решил не заморачиваться с постоем, а сразу заняться делом. Если оно выгорит, то и крыша над головой появится.

В трактире и подле него ошивалась разношёрстная публика. Голытьба, готовая продать труд за копейку, тёмные людишки вроде моего ярмарочного знакомого, и вполне состоятельные господа. В эту эпоху питейные заведения выполняли функцию биржи труда, а заодно и большинства других бирж.

Засев в отделённом от общей залы закутке, я заказал «всё самое лучшее» и следующий час жизни полностью посвятил чревоугодию. Нет, правда, казённая пища наверняка была полезнее, содержала все нужные организму вещества, всякие там витамины и микроэлементы, а вещества вредные, напротив не содержала. Она была вкусной и могу поспорить, что готовили её с соблюдением санитарных норм. Одно плохо – еда была казённой, и тюремное её происхождение отравляло жизнь и портило аппетит. О содержании витаминов в пище трактирной и санитарных нормах её приготовления информация отсутствовала, что ничуть не помешало мне вполне ей насладиться.

Телятина была доедена, вино наполовину выпито, а подносчик тащил какой-то десерт – с виду то ли кисель, то ли квас здесь так выглядел.

– Хозяина Василием Михайловичем зовут? – спросил я подносчика.

– Точно так, – с поклоном ответил он.

– Позови, – приказал я.

Человек напрягся, пытаясь угадать по моему лицу, чем вызвано такое желание и чем оно может грозить ему самому.

– Живее, – поторопил я.

Через минуту в закуток вошёл хозяин – крепкий бородатый мужик. Человек маячил за его спиной, готовый в зависимости от оборота бежать за подмогой или за водкой.

– Садитесь, – кивнул я на стул.

Василий Михайлович замялся лишь на мгновение, так как я, приподняв ладонь, явил его взгляду стопку тяжёлых монет с профилем императрицы Елизаветы.

– Пошёл вон, – негромко крикнул хозяин работнику.

– Принести чего? – осведомился тот.

Трактирщик коротко взглянул на меня, но, уловив равнодушие, свирепо шикнул на парня. Лишний свидетель исчез, а мы некоторое время буравили друг друга взглядами.

– Мне нужна помощь, Василий Михайлович, – признался я. – Один человек на ярмарке посоветовал обратиться именно к вам.

– Какой человек? – сразу спросил хозяин.

– Он не назвался, но оказал мне услуги такого свойства, что я склонен ему доверять.

– И какого же рода помощь вам требуется? – после небольшой паузы спросил он.

– Видите ли, Василий Михайлович, я здесь давно не бывал и хочу, чтобы вы просветили меня о делах купеческих. Кто в последние годы в гору пошёл, кто, напротив, в разорение впал. С кем можно дело иметь, а с кем лучше поостеречься.

– Да откуда же я знаю? – трактирщик прищурился. – Я от этого далёк, знаете ли. А ко мне, если кто и заходит иной раз посидеть, так думами не делится.

Мои пальцы побарабанили над монетами.

– Но одни чаще заходят, другие реже, верно? – я улыбнулся. – Одни целковый оставляют, другие и на сотню погулять любят?

Хозяин сверкнул глазами. Видимо случались любители погулять и «поширше».

– О всяких там тайнах не спрашиваю, – ещё раз улыбнулся я. – Расскажите, что люди говорят. Быть может слухи какие—то ходят.

– Что ж, – он подумал и сдался. – Разное говорят. Хорошо сейчас дела идут у Извольского...

Липовый документ прожигал внутренний карман, но на воротах острога моей личностью даже не заинтересовались. Уязвимое место полицейского государства заключается в невозможности держать людей в постоянном напряжении. Служба велась спустя рукава, а проверкам подвергались только гружёные возы идущие в город. Видимо с них было что взять.

Мои вопросы однозначно вызвали подозрение у хозяина трактира. На протяжении всего разговора Василий Михайлович изучал меня тем же пытливым взглядом, что до него и Копыто. Доносить властям он вряд ли сподобится – не того сорта человек, – а вот предупредить самих купцов может вполне. А купцы, заподозрив разбой или мошенничество, будут дожидаться меня с дубьём и ватагой приспешников. И прежде всего ждать будут те мироеды, что ворочают огромными капиталами. На том я и построил расчёт.

Сам же отправился к купцу Брагину, который жил на Студёной улице, расположенной между большим и малым острогами. «Хороший был купец, да весь вышел, – охарактеризовал его хозяин трактира. – Связался на ярмарке с мухрыжниками одними. Товар ему подсунули порченный, а он проглядел. В долги залез, да так залез, что навряд ли выберется».

Вдоль улицы и всюду вокруг, словно провода на заре телефонизации, висели на подпорках верёвки. Их растягивали, чуть ли не на версту, а десятки людей скручивали из верёвок канаты.

Избёнка почти на самой окраине города выглядела чуть лучше крестьянской. Дверь открыл хозяин и на просьбу впустить для важного разговора, молча кивнул. Внутри купеческое жилище выглядело чистым, но бедным. О прежнем достатке свидетельствовала только дорогая посуда на столе и занавески на окнах.

За столом сидела красивая молодая женщина. Завидев гостя, она встала и поклонилась, но так, слегка, с чувством собственного достоинства.

– Чаю попьёте с нами? – спросила она.

– С удовольствием, – ответил я, подсаживаясь к столу.

Пока хозяйка наливала чай, я представился, используя имя из краденого документа, но придав ему более солидную форму.

– С чем пожаловали, Иван Прохорович? – спросил купец.

– Хочу заключить с вами сделку, Ефим Семёныч, – ответил я, широко улыбаясь.

Он как—то насупился и довольно долго молча глядел на меня. Так же молча, не убирая с лица улыбки, я выдержал взгляд.

– Федора, – обратился он к женщине. – Пойди—ка к себе.

Хозяйка вышла в соседнюю комнату, а хозяин продолжил молчание.

– Слышал, у вас долга сто пятьдесят рублей скопилось, – не стал я ходить вокруг да около. – Как раз на такую сумму у меня и дело.

В глазах купца на мгновение вспыхнула надежда но тут же потухла.

– Ежели что недоброе, то не говорите лучше, всё равно не возьмусь. А ежели другое, то... – он едва заметно вздохнул. – Сами только что помянули, взять с меня нечего. Прогорел я. Ничего не осталось.

– А вот и нет, – сказал я. – У вас остался опыт, знания. Они—то мне и нужны. Видите ли в чём дело, Ефим Семёныч, я очень долго не был в России, вёл дела в европейских колониях, путешествовал, знаете ли, и местные порядки изрядно подзабыл. Да и порядки могли измениться порядком.

Я вновь широко улыбнулся, но за каламбур не извинился. Я вообще никогда не извиняюсь за каламбуры. Просто не понимаю, в чём тут провинность?

– Думаю, вы сможете мне кое—что рассказать и показать, а кое—чему и подучить, – продолжил я. – А я в долгу не останусь и готов заплатить вам как раз те самые сто пятьдесят рублей за науку.

Брагин чуть плюшкой не подавился.

– За науку? – мрачно усмехнулся он. – Не морочили бы мне голову, Иван Прохорович. Почто вам такая наука, которая самого меня привела к разорению?

– А то уж моя печаль, Ефим Семёныч.

Со следующего дня начались ускоренные курсы коммерции. Погашение купеческого долга съело почти все сбережения, но я за ценой не постою, посчитав, что на образовании в моей ситуации экономить глупо.

Брагин отнёсся к обучению добросовестно. Рассказывал о ценах, о ярмарках, о регистрации компаний и составлении бумаг, о кредитах, о бюрократии и путях преодоления оной. Он отвечал на любой вопрос обстоятельно, а потому вместе с экономикой преподавал и некоторое представление и о жизни вообще.

Эти знания не были лишними. Жить под чужой личиной оказалось вполне безопасным делом, однако, я жаждал избавиться от формального рабского статуса, получить полную легальность и вдобавок максимальную свободу, насколько она возможна в этой погрязшей в рабстве эпохе.

Вообще говоря, свобода понятие слишком затёртое. Ушлые парни утащили его в область философии и политики, а известно, во что может превратить умелый философ, тем более поли-

тик самое простое понятие. Ставить на столь зыбкий грунт краеугольный камень человеческих отношений – напрасная трата сил. Общего аршина свободе не придумали, у каждого думающего человека сформировалась своя довольно субъективная мера.

Зато некоторые из частных случаев свободы имеют вполне конкретное наполнение. Вот, например, свободное ношение оружия представляется мне весьма полезной свободой. Даже оставляя в стороне элементарную самооборону, я убеждён, хамство чиновников, ментов, бизнесменов сразу пойдёт на спад, если они будут помнить, что в кармане клиента может оказаться пресловутый Кольт.

Или, скажем, свобода передвижения. Понятие более чем конкретное. Это не какая—нибудь мелочь, связанная с перемещением в пространстве физического тела, это ключ к свободе вообще. Возможность покинуть тот порядок, который не по нутру. Отправиться на поиски лучшей доли. Как говорится, проголосовать ногами.

В своё время мне посчастливилось познать абсолютную свободу именно в аспекте передвижения. Я игнорировал границы, таможни, санитарные кордоны, плевал на визы и ваучеры, мне не приходилось доказывать посольским чиновникам свою кредитоспособность, лояльность, покупать медицинскую страховку и бронировать гостиницы. Гуляя по старой Москве, я с жалостью смотрел на людей, что убивали время, простаивая в безумных утренних очередях в консульские чистилища. Многие из бедолаг приезжали за тысячи километров, чтобы получить штамп или наклейку в паспорт.

Всё это издевательство считалось завоеванием свободы, потому что десятилетием раньше выехать из страны для обычного человека было попросту невозможно, а система прописки делала затруднительной и внутреннюю миграцию. Однако всё познаётся в сравнении. В том времени, где я собирался действовать, передвигаться по собственной стране было ещё сложнее.

Не случайно синонимом рабства в России стало крепостничество, то есть в само название явления вынесено именно лишение свободы передвижения. Все остальные прелести, вроде барщины, хозяйского суда, работоторговли следуют как приложение.

Но несвобода вовсе не стала уделом только лишь зависимых крестьян. Высшее сословие хоть и считалось привилегированным, свободы имело не больше своих рабов. Дворян обязали служить короне, а она эта корона подчас распоряжалась ими не лучше чем сами они мужиком. Монахов, священников заперли в храмах и монастырях, мещан прикрепили к посадам и слободам, инородцев к станам, стойбищам. И лишь небольшая прослойка общества получила относительную свободу в силу так сказать профессиональных обязанностей.

Изначально нацелив себя на купечество, я решил потолкаться и среди прочих свободных сословий – ямщиков, отставных солдат, корабельных работников, дабы восполнить пробелы образования и попытаться нащупать возможность легализации.

На подходе к почтовой станции, я обнаружил слежку. Носатый парень, что топтался за мной на ярмарке, сменил красную рубаху на серую и работал теперь осторожно. Только нос, какому позавидовала бы вымершая птица дронг, выдавал топтуна.

Спина заныла, вспомнив удар дубиной. Правда, среди тех ублюдков носатого парня не было. Да и зачем бы разбойникам ходить за мной по ярмарке. Нет, не разбойник он. И не полицейский. Опять гоблины, чтоб им сгореть.

Нырнув в переулочек, я слегка пробежался. Ошибка – бегущий человек привлекает внимание. Народ косился, шарахался, заглядывал за спину, ища взглядом погоню. Мне повезло, что в руках не оказалось какой—нибудь курицы или поросёнка, и никто не крикнул «держи вора» хотя бы ради смеха. С краденными документами я мог залететь в каталажку надолго.

Любопытно, где они свили гнездо? Должен же у них быть какой—нибудь штаб в этой эпохе, командный пункт, полевое управление. Не наведаться ли в Питер, на ту самую линию,

где уже наверняка стоит особнячок, в котором мне удалось отследить гоблинов двести пятьдесят лет спустя?

А с другой стороны, зачем мне опять ввязываться в опасные игры? Прежний раунд закончился завтраком с динозаврами. Следующий может отправить меня к трилобитам. Нет, пусть они мутят свои дела в Питере. Ловят авантюристов из будущего, пробивающихся к трону, или какие там задачи стоят перед гоблинами? Может они сами дёргают за ниточки истории и опасаются лишь конкуренции? Лезть в это дело я не желал.

Проскочив очередной перекрёсток и свернув на какую—то улочку, я перешёл на шаг, а потом вовсе остановился. Улочка походила на деревенскую. Одноэтажные бревенчатые домики с задраенными ставнями окнами, пыльные деревья, куры. Сложно прикинуться шлангом в эдакой пасторали. Ни витрин, какие можно разглядывать, ни архитектурных достопримечательностей, ни щита с городской газетой. Стоящий посреди улицы человек выглядел столь же подозрительно, как и беглец. Поэтому, я уселся в сторонке на бугорок и стал ждать.

Прошло четверть часа. Топтун не появился. Подозрительных чужаков на улочке тоже не прибавилось. Пара прохожих в мою сторону даже не взглянула. Адреналин скис, нервы сыграли отбой. А была ли слежка? Город—то небольшой, встретить знакомую рожу здесь в порядке вещей. Мало ли какие дела у парня? А если он и следил, но знает, что я поселился у Брагина, то легко найдёт меня вновь, без суеты и погони. Зачем я вообще побежал? Экскурсия к ямщикам не тянула на секретную агентурную встречу, чтобы непременно сбрасывать хвост.

Как оказалось, визит к ямщикам не потянул и на экскурсию. Возле почтовой станции их собралось десятка два. Кто—то расположился на экипаже или возке, кто—то стоял возле распряжённых лошадей, а некоторые прохаживались взад—вперёд только с хлыстом за поясом. Со двора доносилась брань, звон железа и ржание, но работники вожжей и хлыста не обращали на суету внимания. Меня поначалу встретили приветливо, загалдели, засыпали вопросами и фирменными прибаутками, вроде классического «Эх, прокачу!». Однако, узнав, что кататься я не собираюсь, быстро потеряли интерес и вернулись к праздности. Они ходили на таксистов, ловящих клиента возле станции метро или вокзала. Ну, как если бы те разгуливали, кто с рулём, кто с запаской.

— Врёшь! — раздалось со двора. — Вот этой вот рукой, стервец, пришибу!

— Кто это у вас лютует? — спросил я, пытаюсь завести разговор.

Ближайшая лошадь повернула в мою сторону морду, словно желая ответить. Человеческая речь ей, однако, не давалась, а ямщики солидарно проигнорировали вопрос.

— Комиссар, — неохотно бросил один из них поле затянувшейся паузы, и словно устыдившись проявленной вежливости, тут же заинтересовался колесом повозки. Разве что не попибал его, как заправский дальнобойщик.

Дальнейшие попытки вызвать ямщиков на разговор упирались в доморощенный кодекс молчания. Они держались замкнутой кастой и посматривали с подозрением на всякого чужака.

Потратив зря полчаса я, в конце концов, плюнул, и в отместку заподозрил ямщиков в сотрудничестве с полицией, сказать о чём вслух, впрочем, посчитал лишним.

Дембелей искать не пришлось. Облачённые в остатки ветхих мундиров, они крутились возле церкви, в двух шагах от почтовой станции. Большею частью это были калеки — кто без ноги, кто без руки, а иные, что сохранили конечности в полном комплекте, пребывали в глубокой старости. Ветераны доживали деньки, зарабатывая мелким ремеслом или прося подавания, и видели мало проку в обретенной свободе. Получив на круг горсточку меди, говорили с большой охотой. Межу воспоминаниями о каком—то по счёту крымском походе, где солдаты империи потеряли молодость и здоровье, они поведали о тяжёлой жизни в отставке и с явной завистью вспоминали собратьев, каким хватило ума пристроиться в полках. Стано-

виться отставным унтером как—то сразу расхотелось. К тому же я понятия не имел, как добыть пресловутый «апшит».

– А кому на Руси жить хорошо? – риторически спросил я и отправился к пристаням.

Спускаясь к Волге, я вновь заметил носатого парня. Тот оставил меня без внимания, о чём—то дотошно расспрашивая молодую женщину. Якобы по своим делам здесь оказался. Так я и поверил. Но спина больше не ныла, а я поумнел и в бега не ударился. Чёрт с ним, пусть следит – дырку в затылке не высверлит.

На берегу мне улыбнулась удача. Среди матросов, травящих байки в ожидании то ли разгрузки, то ли погрузки, я неожиданно услышал знакомую мордовскую речь. Ну, народ—то мне не чужой, земляки можно сказать. Выудив из памяти пару аутентичных фраз, а из кармана фляжку с водкой, я быстро сошёлся с земляками. Оба они оказались крещёнными, оба отзывались на Николая, оба поведали много интересного о собственной судьбе, в которой, как водится, отразилась эпоха.

Кроме прочего выяснилось, что даже на Волге ещё существовал кое—где институт ясачных людей. Мордва, марийцы, чуваша частью платили подати как обычные дворцовые крестьяне, а частью платили ясак. Конечно, они почти не охотились за мехами – хорошего пушного зверя повыбили из волжских лесов столетием раньше, а потому их обязательства перед казной сводились к определённой службе или к добыче мёда.

Так вот, договориться с князьями в этих ясачных анклавах, чтобы попасть в туземные списки, оказалось вопросом хорошей mzды. После чего, заделавшись туземцем, не составляло уже труда расстаться с только что обрётённой семьёй и выйти из ясачных людей в мещане. Для этого следовало всего—навсего получить согласие общины (то есть всё тех же князцов) и выплатить определённую сумму отступных. А уж из мещан открывалась прямая дорога в купцы.

Для полноты картины я решил потолкаться среди босяков, толпящихся возле трактира Василия Михайловича. И неожиданно нос к носу столкнулся с Копытом.

– Ты—то мне нужен, – сказал я, сразу забыв о босяках.

– Значит, повезло тебе. Я на недельку всего—то в Нижний заскочил.

Лоточник улыбался вполне добродушно. Имел он отношение к давешнему нападению или нет? Сейчас я нуждался в помощи и ради неё оставил подозрения.

– Значит, повезло, – согласился я.

– Что за дело?

Спросив, он двинулся прочь из толпы, продолжая улыбаться знакомым, но так, что никто из них не потянулся следом.

– Тут один парень носатый за мной увязался, – сказал я, посчитав дистанцию от трактира достаточной. – Я его ещё на ярмарке заметил. Вынюхивает что—то, высматривает. Очень уж докучает.

– Грех на душу брать не стану, – сказал Копыто серьёзно. – Но если желаешь, с человеком полезным сведу.

– Да нет, – отмахнулся я. – К чему эдакие страсти. Всё что мне нужно, это проследить за ним. Посмотреть где живёт, на кого работает. Понять хочу, зачем я ему понадобился.

Отказав себе в желании навестить на Васильевский остров, я всё же захотел прояснить ситуацию в Нижнем Новгороде. Как—никак здесь расположилась моя тыловая база и лучше её обезопасить.

– Проследить можно, – согласился Копыто. – Когда, где?

– Да сейчас и покажу его.

Это я поспешил. Носатый как назло куда—то пропал. На берегу его не оказалось. Мы с Копытом потратили весь вечер, рыская по городу. Ничего.

– Завтра, может быть повезёт, – вздохнул я, прощаясь.

– Может быть, повезёт, – согласился Копыто.

Нам повезло. Носатый проявился на одном из спусков около полудня. Он опять кого—то о чём—то расспрашивал.

– Вынюхивает, тварь, – решил я.

– Лады, – кивнул Копыто. – Приглажу за ним. Ребят позову, помогут. Тебя—то где потом искать? У Брагина?

– Узнал уже? – не слишком удивился я.

– Долго ли, – хмыкнул Копыто.

– Ну, тем лучше. Значит, и этого не упustiшь.

– Не беспокойся.

Устроив дела, я отправился к подножью иерархической лестницы, благо уже имел удобную точку выхода из подпространства на Суре – в аккурат посреди мордовских земель.

Глава шестая. Фронтир

Мордовская деревня почти ничем не отличалась от русской, разве что пашня в местном пейзаже отсутствовала, вместо широкой улицы вдоль берега петляла едва заметная тропинка, а избушки повернулись к лесу передом, к прохожему задом. Как раз такое, удалённое от цивилизации, сокрытое среди лесов селение, я и искал, обшаривая две последние недели самые глухие притоки Суры.

Нашёл. Вот только кого бы спросить, где тут, мол, в туземцы записывают? Ни детишек, играющих в бабки, ни старушек, лущающих семечки, ни хороводов из парней и девиц. Даже в окошко не постучишь за полным отсутствием таковых. И ворот здешняя архитектура всячески избегала – убогие калитки скорее напоминали лазы, что оставляют для домашней живности заботливые хозяева.

– Есть тут кто—нибудь? – вопрос пришлось перебросить через высокий забор.

Хозяева притворились глухими или отсутствующими.

Минут пять я прислушивался. Тишина. Даже собака не тявкнула.

Притащив из лодки бочонок с водкой, я уселся на нём посреди деревни и стал ждать. Часа через два на меня обратили внимание. Подошла пара ребят, оба на голову ниже меня, и на чистом русском поинтересовалась, не перепутал ли мил человек селение, не заплутал ли часом?

– Нет, не перепутал, не заплутал, – ответил я. – Ведите меня к наибольшему вашему. С ним говорить буду.

– Пошли тогда.

Я взвалил на плечо бочонок и пошёл за провожатыми. Они направились вовсе не к лазам, не к каким—то иным потайным воротам или лестницам, порождённым моей фантазией за два часа ожидания, а, миновав череду заборов, свернули на лесную тропинку. Сперва я решил, что местный князец обитает в лесу, или шаманит в какой—нибудь роще, обеспечивая соплеменникам богатую охоту или добрый урожай. Потом заподозрил подвох – а вдруг парни задумали злодейство и просто уведут меня подальше от лишних глаз?

Пока я прикидывал, как обрушу на голову одному из них бочонок с пойлом и сойду с кулаках со вторым, мы обогнули бугор, перешли ручей и неожиданно вновь вышли к селу.

Оказалось, что я просто зашёл в него не с той стороны. За неприступными заборами вполне себе теплилась жизнь. Женщины возились у летних печей, стоящих под навесами во дворах, детишки бегали, лазали по деревьям, а парни с девицами вместо хороводов копались на огородах, которые представляли собой разбросанные тут и там среди садов отдельные грядки. Впрочем, фруктовых деревьев и кустов попадалось мало. Скорее это были не сады, а слегка окультуренные участки леса, понемногу, без чёткой границы, растворяющиеся в лесе диком. Заборы здесь, похоже, ставили только со стороны речушки, откуда только и могли появиться чужие.

Полноватый в сравнении с соплеменниками вождь сидел под старой корявой берёзой и мастерил что—то из кожаных ремешков. На тряпице, заменяющей стол, лежали россыпью мелкие яблоки, стояла берестяная коробочка с малиной и миска, наполненная мутной парящей похлёбкой. От неё разносился запах варёной рыбой. Ни хлеба, ни луковицы, ни яичка куриного. Соли тоже не видно.

– Вот, Емонтай, – сообщил один из провожатых. – Он будет старшим.

– Садись, – сказал вождь, продолжая работать. – Говори.

Парни отвалили, а я уселся в позу лотоса и, выкатив на «стол» бочонок с пойлом, рассказал печальную историю, правдой в которой было лишь то, что родом я из Саранска, что недавно

меня едва не пришибли на Макарьевской ярмарке, и что родственников у меня в целом свете не осталось.

Инородцем я числился ровно неделю. Всю эту неделю мы выпивали с вождём и говорили о жизни. В старые добрые времена род Емонтая как и многие в округе промышлял бортничеством, мёдом же платил ясак. Но настали времена новые и злые. Леса понемногу сводили, поголовье пчёл сокращалось. Мордва садилась на пашню, уходила «в башкиры» или в города. Однако племя Емонтая упёрлось – и насиженное место покидать отказалось, и превращаться в крестьян не спешило.

– Мёда мало, так мы деньгами платим. А деньги добываем по всякому и не про всякое я тебе рассказывать стану.

Кое о чём я всё же догадался. Судя по рассказам, местных мужчин иногда привлекали к борьбе с разбоем уездные власти. Навечно в солдаты не обращали и по окончании полицейской операции обязательно отпускали по домам. Видимо что-то из разбойничьих трофеев оседало в здешних сундуках. И на жизнь хватало и на ясак.

Но и от лишней копейки вождь не отказывался. Перед пьянкой он отправил куда-то гонца, а через неделю выдал мне бумагу на имя недавно умершего соплеменника.

– О том, что он помер, никто не знает. А наши болтать не станут.

Имя в бумаге совпадало с именем «невольного каменщика», отчество я мог выбирать любое и для удобства оставил прежнее, а вот новая фамилия досталась по «крёстному отцу» – Емонтаев.

– Здесь всех Емонтаевыми пишут, – пояснил вождь. – А до того Таргасовыми писали.

– Контора пишет, – согласился я.

Так и не довелось увидеть ни уездное начальство, ни даже дьяка, ни ясачных списков или куда там заносились туземные жители. Коррупция давно задавила общество, она же позволяла выживать одиночкам.

– Лучше иди в Арзамас, – посоветовал Емонтай, прощаясь. – Туда многие наши уходят.

Пара глотков свободы растревожила душу. Весь обратный путь я размышлял над услышанным от мордовского вождя, над увиденным в его селении. Род Емонтая уцепился за призрачную свободу, хотя ясак по большому счёту мало чем отличался от оброка казённых крестьян. Но лесное племя чувствовало какие-то едва различимые нюансы статуса, оно желало сохранить традиционный уклад, самобытность, считая ясак лишь откупом за свободу. Этот тип людей показался мне близким по духу. Более близким, чем купцы, ямщики, отставные солдаты или бродяги.

Часто приходилось слышать, дескать, свобода – плод досужих размышлений бездельников—гуманистов, обманка, вынесенная либералами в сферу социальной философии. Мол, концепция свободы эксплуатирует человеческий эгоизм, противопоставляет его интересам общества, а в масштабах исторического развития есть вещи и поважнее. Свобода призвана удовлетворить личность, да и то далеко не каждую, зато несвобода обеспечивает консолидацию общества, единство нации, а единая нация – это сила. Несвобода позволяет собрать потенциал государства в кулак, двинуться плечом к плечу всем миром и обеспечить будущее для многих поколений, пусть и швырнув в топку поколение нынешнее.

Тут есть что возразить даже не прибегая к столь экзотической для государственных мужей гуманистической аргументации.

Нужно взять карту России и жвакнуть ножницами по Уральскому хребту. Равных половинок, понятно, не получится. Европейский клочок суши попросту теряется на фоне бескрайних просторов, что лежат к востоку.

Насквозь пропитанный кровью и трупным запахом лоскуток Европы выкраивался веками, усилиями многотысячных армий и миллионов рабов. А почти всё огромное пространство по ту сторону Урала добыла в сравнительно короткий срок горстка свободных людей.

Людей зачастую отторгнутых империей, преследуемых ей. Наёмники, беглые холопы, авантюристы, торговцы и промышленники – все они далеко не являлись ангелами. И алчностью и кровожадность они порой превосходили слуг империи. Их отличало только одно – стремление к воле.

Вот и вся арифметика – ничтожное меньшинство первопроходцев принесло империи несравнимо больше чем взятые вместе рабы и хозяева, рекруты и генералы, императоры, двор, чиновники.

Одна страна – две системы. Это не про Китай. Долгое время точно параллельные миры существовали две совершенно разные России. Черта не просто разделяла части света, Европу и Азию, она разделяла парадигмы. По одну сторону лежала империя с её бюрократией, полицейским режимом, помещичьим самодурством и мёртвым грузом миллионов полумёртвых душ. По другую сторону простирался Великий Фронт – территория свободы, инициативы, поиска и протеста. Территория одиночек, ставящих на кон собственную шкуру, а потому ответственных, мыслящих и, как ни покажется странным, терпимых к инаковости.

Канцелярское скудоумие оказалось не способно осознать потенциал этих одиночек, монаршая гордыня не могла признать превосходства свободы над собственным всесилием, однако, власти иногда хватало соображения воспользоваться плодами ненавистной вольницы. Неповоротливая туша империи приползала уже на готовое, подминая, переваривая чужую добычу.

К большому сожалению, две России разделял не океан, а легко преодолимый горный хребет. И потому Великому Фронтиру недолго пришлось оставаться альтернативой самодержавию. Горстка первопроходцев, в конце концов, не выдержала напора чиновничьей орды.

Но в восемнадцатом веке сосуществование двух систем ещё продолжалось. Строго говоря, имея в виду восемнадцатый век, чиркать ножницами следовало бы по Волге. Уже к востоку от неё большинство земель относились к империи лишь формально. В городах и острожках воцарились чиновники, квартировались армейские части, но население обширных степей и лесов оставалось предоставлено самому себе. Очарованный странник Лескова спустя много лет ещё застал за Волгой фронт.

Анклавы вроде селения Емонтая существовали и на правом берегу Волги. На юге блюли волю казаки, на севере хранили самобытность поморы, люди бежали и на границу с Европой, ставя в украинских степях и белорусских лесах вольные городки. И если все эти куски отхватывать от карты империи один за другим, то самодержавию мало что остаётся. Почти вся Россия представляла собой Великий Фронт и только в центре, вокруг старой столицы, сбились губернии рабства, перекованные из независимых некогда княжеств.

Беда в том, что значительная часть населения страны проживала именно там, прибитая к дворянским и дворцовым имениям гвоздями крепостничества. Его надолго выключили из исторической игры. Я же готовился сыграть собственную партию, собираясь примкнуть к свободному меньшинству. Мой путь лежал в пограничье.

Брагин встретил меня хмуро. Только я собрался похвастаться обрётённым вольным статусом, как он проворчал:

– Человек приходил, тебя спрашивал. Говорю ему, нету, дескать, а он, мол, ничего, подожду.

– И что не дождался?

– Как бы не так. Вон на печи второй день лежит. Устроился как у себя дома. Говорит: «Отец, не спорь. Мне нужно дождаться Ивана». Что за напасть? Какой я ему отец? Говорю, иди, мил человек, к себе домой бога ради и там дождайся, передам, мол, как явится. А он ни в какую. Поселился, будто так и надо. Правда каждый день полтинник на прокорм Федоре выкладывает.

– Говорю же тебе, отец, не спорь, – раздался с печи голос Копыта. – Некуда мне идти. Далече дом—то мой.

– Ты уж забери его отсюда, – зачастил Брагин, склоняясь к уху. – Не буйствует, но на Федору эдак смотрит нехорошо. Змей, одно слово.

Мне давно стало ясно, отчего Брагин в разорение впал. Столь бесхребетным людям в купцах делать нечего. Вот и Копыто ему играючи на шею уселся, а в коммерции такого рохлю любой облапошит. Купец был из тех, кого проведёшь на мякине, и лишь однажды ему счастье в жизни улыбнулось – когда Федору свою повстречал. Видно на это всю удачу он и растратил.

Копыто соскочил с печи и молча принялся натягивать штаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.